

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ.

I.

ВЫРАЖЕНІЯ: «сороковые годы», «люди сороковых годовъ», не рѣдко употреблялись и теперь еще употребляются для обозначенія того усиленнаго интеллектуальнаго движенія, которое началось и дѣйствовало въ Москвѣ, совпадая съ тѣмъ періодомъ времени, когда попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ графъ С. Г. Строгоновъ (1835—1847). Вторымъ выраженіемъ Писемскій даже озаглавилъ одинъ изъ своихъ романовъ, къ сожалѣнію, весьма неудачный.

Необходимо замѣтить, что означенное движеніе не ограничивается въ точности десятилѣтнимъ періодомъ. Странно думать, что оно началось именно 1-го января 1840 и завершилось 1-го января 1850 года. Можно если угодно назвать это пространство времени выдающимся пунктомъ культурнаго прогресса, но начало его восходитъ къ предъидущимъ годамъ нашего столѣтія, а послѣдствія его раскрываются втеченіе послѣдующихъ, частію измѣняясь, а частію и замѣняясь другими движеніями или вѣяніями.

Второе замѣчаніе относится къ отрицанію особеннаго значенія сороковыхъ годовъ въ нашемъ культурномъ прогрессѣ. По мнѣнію нѣкоторыхъ журнальныхъ статей, сороковые годы стоятъ на одномъ уровнѣ съ предшествовавшими имъ и слѣдовавшими за ними. Въ доказательство приводятся свидѣтельства представителей того

времени (напримѣръ, И. С. Аксакова), что общественное положеніе нисколько не измѣнялось къ лучшему. Разсуждать такимъ образомъ значитъ имѣть ложное понятіе о тѣхъ эпохахъ, которымъ присвоено названіе выдающихся, прогрессивныхъ, и которымъ принадлежатъ времена Перикла, Августа, Людовика XIV, наконецъ вѣкъ просвѣщенія—XVIII-й вѣкъ. Послѣдній, пожалуй, окажется наиболѣе худшимъ, такъ какъ народъ былъ погруженъ въ невѣжество, въ высшихъ сферахъ господствовали крайнія злоупотребленія, развратъ и ханжество, да и самыя свѣтила философіи не отличались достаточнымъ нравственнымъ цензомъ. Однако-жъ, никто не сомнѣвается въ исторической важности указанныхъ эпохъ. Дѣло не въ томъ, какъ жили тѣ или другіе субъекты въ эпоху прогресса, а въ самомъ прогрессѣ и его послѣдствіяхъ,—въ тѣхъ новыхъ началахъ, которыя онъ кладетъ для серьезнаго умственнаго развитія и нравственнаго улучшенія, для болѣе точнаго, правдиваго самосознанія, какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ массъ. Чацкій—одинъ среди людей минувшаго вѣка, но онъ уже усвоилъ иной образъ мыслей, которому предстояло торжество. И. Кирѣевскій, въ статьѣ по поводу постановки «Горя отъ ума на Московской сценѣ», высказалъ пустоту жизни москвичей, ихъ равнодушіе ко всему нравственному и умственному, но въ то же время онъ представилъ и исключенія, т. е. людей, которые развиваютъ въ себѣ чувства возвышенныя съ правилами твердыми и благородными.

Усиленное стремленіе московскаго юношества къ болѣе серьезному образованію ведетъ свое начало, по моему мнѣнію, съ двадцатыхъ годовъ, когда профессоръ М. Г. Павловъ, по возвращеніи изъ-за границы, открылъ свои лекціи сельскаго хозяйства и минералогіи. Онъ первый далъ студентамъ понятіе о господствовавшей въ то время философіи Шеллинга, или, точнѣе, о примѣненіи этой философіи къ естествовѣдѣнію однимъ изъ его послѣдователей—Океномъ. Новизна взглядовъ, мастерство ихъ изложенія въ логическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ сильно дѣйствовали на слушателей и, кромѣ того, привлекали въ университетъ постороннюю любознательную молодежь изъ наиболѣе просвѣщенныхъ семействъ высшаго московскаго общества. Между этими юношами, поступавшими на службу преимущественно въ московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ и потому прозванныхъ «архивными», особенно выдавался князь В. Ѳ. Одоевскій своею любовью къ высшему знанію, къ такъ называемой трансцендентальной философіи. Онъ устроилъ у себя въ домѣ философское общество, которое посѣщалось его товарищами по службѣ и по образу мыслей, а въ 1824 году издавалъ сборникъ «Мнемозину» для ознакомленія читателей съ философіей Шеллинга. Въ немъ помѣщено нѣсколько статей Павлова и самого издателя: послѣднему принадлежатъ отрывки изъ

исторіи философіи и по эстетикѣ, основанной на идеяхъ Шеллинга и долженствовавшей положить конецъ французскимъ, лжеклассическимъ эстетическимъ понятіямъ, представителемъ которыхъ въ то время былъ профессоръ Мерзляковъ.

Новые органы журналистики содѣйствовали съ своей стороны университетскому вліянію. Кромѣ сборника «Мнемозина», въ двадцатыхъ годахъ явились «Телеграфъ» (Н. Полеваго), «Московскій Вѣстникъ» (Погодина), «Европеецъ» (И. Кирѣвскаго). Даже дряхлѣющій «Вѣстникъ Европы» значительно оживился, благодаря сотрудничеству Н. И. Надеждина. По своимъ направленіямъ и содержанію, эти новыя періодическія изданія въ Москвѣ взяли перевѣсъ надъ таковыми же петербургскими.

Потребность серьезнаго ученія возростала болѣе и болѣе. Въ тридцатыхъ годахъ философія Шеллинга уступила свое мѣсто философіи Гегеля, которая заинтересовала кружокъ любознательныхъ студентовъ, преимущественно историко-филологическаго факультета, собиравшихся у ихъ товарища Н. Станкевича. Главными лицами этого кружка были К. Аксаковъ, Катковъ, Ключниковъ, Бѣлинскій. Послѣдній, по незнанію иностранныхъ языковъ, своимъ знакомствомъ съ нѣмецкой эстетикой и съ нѣмецкой поэзіей, преимущественно съ Шиллеромъ, много обязанъ Станкевичу, въ своихъ бесѣдахъ разъяснявшему сущность той и другой. Въ университетѣ лекціи Н. И. Надеждина, профессора теоріи изящныхъ искусствъ, сильно вліяли на молодежь, равно какъ и основанный имъ журналъ «Телескопъ» вмѣстѣ съ листкомъ «Молва», въ которомъ Бѣлинскій выступилъ какъ критикъ, уже подготовленный къ своему дѣлу бесѣдами съ Станкевичемъ и лекціями Надеждина. Наконецъ, въ тридцатыхъ же годахъ развилось такъ называемое славянофильство, занимающее весьма почетное мѣсто въ исторіи нашего самопознанія. Основателями и разъяснителями этого ученія были А. Хомяковъ, К. Аксаковъ, И. Кирѣвскій и (позднѣе) Ю. Самаринъ.

Сороковые годы относятся преимущественно къ двѣнадцатилѣтнему управленію графа С. Г. Строгонова Московскимъ учебнымъ округомъ. До официальнаго назначенія его на этотъ постъ, будучи полковникомъ и флигель-адъютантомъ, онъ обстоятельно ознакомился съ университетскимъ преподаваніемъ, т. е. посѣщалъ лекціи тѣхъ или другихъ профессоровъ. Надобно отдать ему справедливость и за то, что при всемъ уваженіи истинной учености онъ обращалъ большое вниманіе на нравственную пробу преподавателя: невнимательное отношеніе къ своей обязанности или уклоненіе отъ нея къ другому дѣлу, тщеславіе, nepотизмъ, отсутствіе справедливости и благородства, неправильный образъ жизни были имъ нетерпимы и презираемы. Всѣ, напримѣръ, знали, что онъ не жаловалъ четырехъ профессоровъ, хотя по своимъ лекціямъ

они стояли на видномъ мѣстѣ. Одинъ (И. И. Давыдовъ) отталкивалъ его чрезмѣрнымъ самолюбіемъ и непрямими путями въ своихъ дѣйствіяхъ¹⁾, другой (Д. М. Перевощиковъ)—непотизмомъ и хитростью, прикрываемою простотою себѣ на умѣ²⁾; третій (С. П. Шевыревъ)—раздражительностью и педантизмомъ; четвертый (М. П. Погодинъ)—многостороннею, разбросанною дѣятельностью, мѣшавшею ему всецѣло посвятить себя избранному имъ предмету—исторіи. Утверждали, будто графу не нравились эти лица потому, что къ нимъ въ особенности благосклонно относился министръ С. С. Уваровъ, бывший съ нимъ не въ ладахъ. Можетъ статься, это и справедливо, но только отчасти, а не вполнѣ. Обращеніе этихъ личностей съ ихъ меценатомъ, при поѣздкѣ въ его подмосковное помѣстье Порѣчье, заставляло многихъ пожимать плечами, особенно послѣ статьи Давыдова въ «Москвитянинѣ», повѣствующей о провозженіи времени въ означенномъ имѣніи. Прочитавъ ее, графъ Строгоновъ, при свиданіи съ авторомъ, обратился къ нему съ такимъ вопросомъ: «не знаете ли, кто написалъ эту лакейскую статью? Не думаю, чтобы она могла понравиться Сергію Семеновичу»³⁾.

Другое важное достоинство графа Строгонова состояло въ томъ, что онъ радѣлъ о замѣщеніи вакантныхъ кафедръ свѣжими, ка-

¹⁾ Ключниковъ охарактеризовалъ его въ чрезвычайно злой эпиграммѣ. (См. также и другія свидѣтельства, напримѣръ, въ «Русск. Архивѣ» 1888 г., VIII, стр. 482, Письма Каткова къ А. Н. Попову. Здѣсь Давыдовъ обличается въ плагиатъ, т. е. въ присвоеніи себѣ критическихъ замѣтокъ Ѳ. И. Буслаева о книгѣ Павскаго («Филологич. наблюденія надъ составомъ русскаго языка»). Впослѣдствіи, давая отчетъ въ «Москвитянинѣ» о какомъ-то грамматическомъ трудѣ Давыдова, Буслаевъ привелъ, между прочимъ, слѣдующій примѣръ: «нельзя уважать человека, который вредитъ другимъ своими продѣлками».

²⁾ Ibid., стр. 493.

³⁾ Замѣчу, что гр. Строгоновъ былъ иногда очень рѣзокъ въ своихъ выраженіяхъ. Рѣзкость эта порою переходила въ комизмъ. Однажды явился къ нему какой-то провинціалъ, отецъ двухъ гимназистовъ, жаловаться на то, что его дѣти послѣ экзамена не переведены въ слѣдующій классъ, и при этомъ часто повторялъ одну и ту же фразу: вѣдь они у меня, ваше сіятельство, премуные. «Вѣрю, вѣрю, — отвѣчалъ графъ, — должно быть, въ матушку». На одномъ магистерскомъ диспутѣ сидѣлъ онъ рядомъ съ Грановскимъ, а противъ нихъ помѣстился О. М. Бодянский, положивъ одну ногу на другую и тѣмъ выказавъ особенность своихъ сапоговъ, подбитыхъ крупными гвоздями, словно подковами. Графъ обратился къ своему сосѣду: «Посмотрите, Тимоѣей Николаевичъ, какъ во всемъ оригиналенъ Осипъ Максимовичъ. Мы съ вами, если намъ нужны сапоги, отправляемся къ сапожнику, а онъ заказываетъ ихъ въ кузницѣ». Но, дозволяя себѣ рѣзкія выходки, графъ спокойно выслушивалъ удачныя, остроумныя реплики. Вотъ одинъ изъ нѣсколькихъ примѣровъ. Въ разговорѣ съ Е. Ѳ. Коршемъ, известнымъ многими серьезными литературными трудами, выражая ему, какъ редактору «Московскихъ Вѣдомостей», свое неудовольствіе за помѣщеніе какой-то статьи, графъ, между прочимъ, сказалъ: «Поставьте себя на мое мѣсто». — Никакъ не могу, ваше сіятельство. — Почему? — Воображенія не хватаетъ: у васъ шестьдесятъ тысячъ душъ.

питально образованными силами. Изъ среды студентовъ, оканчивающихъ курсъ, онъ покровительствовалъ тѣмъ, которые желали посвятить себя ученому званію, и содѣйствовалъ отправленію ихъ за границу для усовершенствованія въ той наукѣ, на кафедре которой они желали поступить. При немъ явились въ Московскомъ университетѣ такія личности, какъ Грановскій, Соловьевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ...

Корпорация студентовъ за все время попечительства графа была примѣрная по своему стремленію къ высшему знанію и по отношенію къ лекціямъ. Нѣкоторые профессеры пользовались ихъ особенною любовью за то, что позволяли имъ въ праздничные дни приходить къ себѣ для бесѣды, сообщали имъ научныя новости, позволяли пользоваться книгами изъ своихъ библіотекъ и давали совѣты для ихъ собственныхъ работъ. Въ pendant ко всему этому инспекторъ студентовъ былъ образцовый — Нахимовъ, родной братъ знаменитаго защитника Севастополя. Не отличаясь ни дарованіями, ни образованностью, даже платившій дань Вакху, онъ по какому-то благодатному инстинкту умѣлъ обращаться съ молодежью. Студенты любили его, какъ роднаго, хотя и посмѣивались надъ его наивностью. Много ходило о немъ анекдотовъ, не выдуманныхъ, а дѣйствительно бывшихъ. Вотъ одинъ изъ нихъ, весьма характеристичный. Студентамъ запрещалось отпускать длинные волосы, за чѣмъ, разумѣется, должны были наблюдать инспекторъ и его помощники. Одному изъ такихъ длиноволосыхъ Нахимовъ нѣсколько разъ говорилъ сходить къ цырульнику, но все напрасно: студентъ обѣщалъ, но не исполнялъ своихъ обѣщаній. «Слушай, — сказалъ ему Нахимовъ, выведенный изъ терпѣнія: — если я еще разъ встрѣчу тебя¹⁾ въ такомъ видѣ, то непременно исключу изъ университета. Даю тебѣ честное слово. Понимаешь?» — «Понимаю, Павелъ Степановичъ». На другой или третій день Нахимовъ отправляется въ университетъ. Повернувъ съ Тверской улицы въ университетъ по Долгоруковскому переулку, онъ къ ужасу своему видитъ, что съ другаго конца этого переулка, т. е. отъ Большой Никитской улицы, идетъ ему навстрѣчу означенный студентъ, и не остриженный. Бѣдный инспекторъ очутился между Сциллой и Харибдой. Сдержать свое слово — жалко студента; не сдержать — значитъ признать себя безчестнымъ. Положеніе бѣдовое, но добрякъ удачно изъ него вышелъ. — «Оборачивай назадъ, выѣзжай на Тверскую! — кричитъ онъ кучеру: — скорѣе, разиня!» Кучеръ исполнилъ приказаніе и тѣмъ спасъ студента отъ бѣды, а своего барина отъ безчестья. Наконецъ, графъ Строгоновъ

¹⁾ Нахимовъ, какъ и нѣкоторые изъ профессоровъ, обходился тогда безъ церемоній; но студенты нисколько не обижались, что онъ пустое въ замѣнялъ сердечнымъ ты.

неизмѣнно выказывалъ въ своемъ обращеніи и мнѣніяхъ самостоятельность и прямизну. Не страдая тщеславіемъ и честолюбіемъ, онъ не заискивалъ въ высшихъ сферахъ и не терпѣлъ угодничества. Доказательствомъ служить его отношеніе къ министру народнаго просвѣщенія. Нѣкоторые находили въ немъ непривѣтливость и сухость сердца, но какъ согласить съ такимъ отзывомъ многіе противорѣчащіе ему факты? Графъ всегда былъ готовъ помочь пріятію, если оно имѣло своимъ предметомъ что нибудь полезное: такъ онъ помогъ М. Н. Каткову и П. М. Леонтьеву при началѣ изданія ими «Русскаго Вѣстника». Равно не отказывалъ онъ въ заступничествѣ ни цензорамъ, ни авторамъ, по поводу какихъ либо ихъ недосмотровъ или провинностей. Правда, онъ рѣдко своихъ посѣтителей (если они состояли подъ его управленіемъ) приглашалъ садиться: они обязаны были стоя вести съ нимъ бесѣду¹⁾, но за то эти стоящіе нисколько не были стѣсняемы въ изложеніи своихъ просьбъ и мнѣній. Графъ охотно и снисходительно выслушивалъ дѣльные возраженія.

Въ сороковыхъ годахъ Московскій университетъ могъ похвалиться пріобрѣтеніемъ новыхъ профессоровъ, молодыхъ и талантливыхъ, умѣвшихъ поднять уровень высшаго научнаго образованія и возбудить въ студентахъ не только любознательность, но и нравственныя чувства стремленія къ благороднымъ идеаламъ. Таковы были Грановскій, Крюковъ, Соловьевъ, Катковъ, Леонтьевъ, Кудрявцевъ, Буслаевъ. Петербургскіе журналы «Отечественныя Записки» и «Современникъ», органы европеизма, открыли новую эру періодической прессы, равно какъ главный сотрудникъ ихъ Бѣлинскій своими статьями открылъ новую эру высшей литературной критики. Противовѣсомъ этихъ журналовъ служили въ Москвѣ представители славянофильства — «Москвитянинъ» и отдѣльные сборники. Тогда же выступили многіе литературные таланты, относящіеся къ школѣ Пушкина и Гоголя, какъ ихъ послѣдователи: явленіе, подобное романтической школѣ у нѣмцевъ съ ея представителями — Тикомъ и двумя братьями Шлегелями, или романтической школѣ во Франціи съ ея представителемъ В. Гюго. Цѣлая плеяда даровитыхъ беллетристовъ, съ Тургеневымъ во главѣ, быстро заполонила вниманіе и любовь публики. Имена ихъ извѣстны теперь всѣмъ и каждому: Гончаровъ, Майковъ, Некрасовъ, Григоровичъ, Фетъ, Полонскій, Достоевскій, Писемскій, Салтыковъ (Щедринъ), Островскій, графъ Л. Толстой... Объ нихъ-то, равно какъ и о другихъ лицахъ, извѣстныхъ въ нашей литературѣ и наукѣ и съ которыми выпало мнѣ счастье познакомиться втеченіе трехъ десятилѣтій (30—50 годовъ), хочу я поговорить въ моихъ запискахъ.

¹⁾ С. М. Соловьевъ получилъ приглашеніе садиться лишь послѣ того, какъ занялъ мѣсто адъюнкта по кафедрѣ русской исторіи.

Большинство ихъ сошло въ могилу и лично не было извѣстно современному поколѣнію. Посмотрите: въ «Воспоминаніяхъ» А. Я. Голубачевой-Панаевой, изъ тридцати трехъ писателей осталось только двое (Е. Θ. Коршъ и графъ Л. Н. Толстой), а изъ артистовъ (актеровъ), если не ошибаюсь, не осталось ни единого. Какая богатая жатва смерти! какой бѣдный процентъ долгоденствія!

II.

Воспоминанія мои начну съ Боткина (Василія Петровича), такъ какъ съ нимъ я познакомился раньше, чѣмъ съ другими, въ Москвѣ, вскорѣ по окончаніи университетскаго курса. При имени этого лица нѣкоторые, его знавшіе, можетъ быть, улыбнутся, вспомнивъ кое-какія причуды и слабости покойнаго и, между прочимъ, слѣдующіе стихи изъ литературнаго акаѳиста Щербины:

«Радуйся, Испанія описаніе!

«Радуйся, въ Испаніи небываніе!

Плѣшивый чаепродавецъ, Донъ-Базиліо, радуйся!

Но я не пойду за ними по этой дорогѣ, потому что сущность дѣла не въ сатирѣ, а совершенно въ противоположномъ предметѣ. Сынъ извѣстнаго торговца чаемъ, отъ перваго брака, Василій Петровичъ обучался въ пансіонѣ Кистера, преподававшаго нѣмецкій языкъ и литературу въ Московскомъ университетѣ. Здѣсь онъ пріобрѣлъ познанія въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Впослѣдствіи онъ читалъ свободно книги англійскія, итальянскія и испанскія. Этимъ чтеніемъ замѣстилъ онъ высшее, университетское образованіе. Роднымъ языкомъ владѣлъ онъ на ряду съ лучшими его знатоками, въ чемъ удостовѣряютъ его переводы и сочиненія. Одно изъ послѣднихъ: «Поѣздка въ Испанію», сразу доставило ему извѣстность. Его переводы изъ Карлея занимали видное мѣсто въ статьяхъ «Современника». Отъ природы получилъ онъ вѣрный и тонкій вкусъ изящнаго, въ чемъ бы оно ни выражалось: онъ прежде многихъ оцѣнилъ таланты Фета и Некрасова. Комнаты его постоянно украшались немногими, но лучшими произведеніями живописи и скульптуры (это какъ бы природная принадлежность талантливаго семейства Боткиныхъ, изъ среды котораго вышелъ такой ученый дѣятель, какъ Сергій Петровичъ). Въ его обѣдахъ, которыми онъ угощалъ своихъ пріятелей, выказывался образованный эпикуреизмъ: они сопровождались интересными бесѣдами, такъ какъ знакомые его принадлежали къ перedовымъ талантамъ въ литературѣ и наукѣ. Образованность Василія Петровича имѣла доброе вліяніе и на его отца, человека очень умнаго отъ природы, но по той средѣ, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ, не могшаго относиться съ большимъ уваженіемъ къ

наукѣ и учености. Однако-жъ, въ послѣдствіи онъ сталъ смотрѣть иначе на то общество, которое собиралось въ его домѣ, и выражать свое къ нему почтеніе замѣчательнымъ образомъ: никогда не ломавшій шапки передъ ученостью, онъ, въ праздникъ свѣтлаго Христова Воскресенія, со шляпой въ рукахъ, отправлялся для поздравленія къ профессору Грановскому, нанимавшему у него квартиру въ особомъ флигелѣ, хотя этотъ жилецъ былъ много моложе домовладѣльца. О такой метаморфозѣ рассказывалъ мнѣ сынъ его Павелъ Петровичъ.

Литературное знакомство Боткина было обширно какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Со многими личностями онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Бѣлинскій, Тургеневъ, Некрасовъ, Дружининъ, Панаевъ были съ нимъ на ты; пріѣзжая въ Москву, они большею частію останавливались у него. Письма его къ нѣкоторымъ изъ нихъ выказываютъ человѣка мыслящаго и многообразованнаго. Не принадлежа къ тароватымъ, онъ, однако-жъ, въ случаѣ нужды помогалъ своимъ пріятелямъ по литературному ремеслу, въ томъ числѣ и Бѣлинскому. Здѣсь я долженъ остановиться и сказать нѣсколько словъ объ интересныхъ «Воспоминаніяхъ» г-жи А. Я. Головачевой-Панаевой, извѣстной своимъ талантомъ и образованіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они искренни и справедливы, т. е. сообщаютъ именно то, что авторъ видѣлъ или слышалъ, ничего къ тому не прибавляя и не искажая; но мнѣ сдается, что она слышанное и видѣнное въ извѣстный моментъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, обобщаетъ, почему и является постоянно невыгодное мнѣніе объ однѣхъ личностяхъ и неизмѣнно выгодное о другихъ (въ родѣ предубѣжденія и предилекціи). Въ числѣ первыхъ преимущественно фигурируютъ Боткинъ, Анненковъ и Тургеневъ. Почти каждый разъ достается имъ при выходѣ ихъ на сцену. Вотъ примѣръ. Когда Бѣлинскому, въ критическую минуту его денежнаго затрудненія, было предложено занять денегъ у Анненкова или у Боткина, то онъ перваго обозвалъ «русскимъ кулакомъ», а о другомъ выразился такъ: «покорно благодарю—душу всю вымотаетъ своими разговорами, что онъ нуждается въ деньгахъ»¹⁾. И это сказано безъ всякихъ оговорокъ и разъясненій, такъ что читатель можетъ составить объ этихъ личностяхъ мнѣніе невѣрное, противоположное документальнымъ свидѣтельствамъ, приведеннымъ въ біографіи Бѣлинскаго²⁾, изъ которыхъ видно, что Боткинъ и Анненковъ были первыми, главными друзьями Бѣлинскаго.

Что же касается до стиховъ Щербины: «Испаніи описаніе—въ Испаніи небываніе», то трудно понять, откуда возникло такое

¹⁾ Воспоминанія, стр. 121.

²⁾ А. Н. Пыпина (т. II, стр. 271, 275—276, 285, 325).

странное подозрѣніе, такая нелѣпая сплетня. Можетъ быть, поводомъ къ тому послужили современныя описанія путешествій въ Испанію—французскія или англійскія. Я самъ видѣлъ два или три таковыхъ въ библіотекѣ Василя Петровича, но заключать отсюда о плагиатѣ есть сущая нелѣпость. Какой путешественникъ при разсказѣ о томъ, что онъ видѣлъ въ чужихъ краяхъ, не пользовался предшествовавшими ему описаніями тѣхъ же странъ. Такъ, напримѣръ, поступалъ Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ»: сообщая своимъ друзьямъ о посѣщеніи французской академіи (въ Парижѣ), онъ присоединилъ къ тому и краткій историческій очеркъ этого учрежденія, безъ сомнѣнія, переведенный или извлеченный имъ изъ какой нибудь французской монографіи. То же дѣлалъ фонъ-Визинъ въ своихъ «Письмахъ» къ гр. Панину изъ Франціи; то же самое имѣлъ право дѣлать и Боткинъ: разсказывая о боѣ быковъ, онъ знакомить съ исторіей этого зрѣлища; описывая Севильскій соборъ, онъ также вводитъ исторію его постройки. Не самому же ему сочинять эти исторіи. Отсюда заключеніе: Боткинъ несомнѣнно былъ въ Испаніи, но вмѣстѣ съ этимъ, само собою разумѣется, пользовался описаніями другихъ путешественниковъ, т. е. поступалъ такъ, какъ поступаютъ всѣ авторы путешествій.

Некрасовъ, какъ извѣстно, охарактеризовалъ П. В. Анненкова въ слѣдующемъ стихотвореніи ¹⁾:

За то, что ходитъ онъ въ фуражкѣ
И крѣпко бьетъ себя по ляжкѣ ²⁾,
Въ немъ нашъ Тургеневъ всѣ замашки
Соціалиста отыскалъ.

Но не хотѣлъ онъ вѣрить слуху,
Что демократъ сей черствъ по духу,
Что только къ собственному брюху
Онъ уваженіе питалъ.

Какъ всякая эпиграмма, въ которой, по пословицѣ, на брань слово покупается, характеристика не вѣрна, потому что исключительна, одностороння. Талантливый, образованный и съ несомнѣннымъ эстетическимъ тактомъ, Павелъ Васильевичъ Анненковъ написалъ много умныхъ статей, которыя цѣнились образованными читателями, но не нравились читателямъ полуобразованнымъ.

Литературную извѣстность дали ему впервые «Парижскія письма»; они помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и умно, интересно изображали тогдашнее состояніе Франціи. Затѣмъ слѣдовало изданіе «Писемъ Н. Станкевича», съ приложеніемъ его «біографіи»: здѣсь охарактеризовано движеніе молодыхъ людей (такъ

¹⁾ «Русск. Архивъ», 1884, кн. 3, стр. 235: «Некрасовъ про ***».

²⁾ Анненковъ дѣйствительно имѣлъ эту привычку.

называемый «кружок Станкевича») къ современной философіи Гегеля. Статья, подъ заглавіемъ: «Литературный типъ слабовольнаго человѣка», полемизируетъ съ статьей Н. Г. Чернышевскаго: «Русскій человѣкъ на rendez-vous», напечатанной въ «Атенѣ» (московскомъ журналѣ, издававшемся Е. Ѳ. Коршемъ) и преслѣдовавшей нерѣшительность, вялость русскаго человѣка, отсутствіе инициативы въ герояхъ Тургенева. Новыя произведенія тогдашнихъ беллетристовъ встрѣчали въ Анненковѣ осторожнаго, но всегда умнаго оцѣнщика, какъ видно изъ собранія его сочиненій (три тома). Никто изъ занимавшихся серьезно отечественной литературой не сомнѣвался въ дѣльности, разсудительности его критики; осуждали только иногда особенность его стиля, какъ бы умышленно избѣгавшаго простоты и стремившагося къ фигуральнымъ выраженіямъ. Это былъ личный, субъективный слогъ, отраженіе свойствъ писателя, по выраженію Бюффона (*le style — c'est l'homme*). Тургеневъ, всегда цѣнившій талантъ и образованность Анненкова, сравнивалъ его манеру писать съ замашкой такого человѣка, который, желая почесать у себя въ головѣ, исполняетъ свое желаніе не просто, а, подобно акробату, черезъ колѣно.

Наконецъ, изданіе сочиненій Пушкина (1855—57) съ «Матеріалами для его біографіи», равно какъ и самая біографія, къ сожалѣнію, доведенная только до 1826 года, составляютъ капитальную заслугу Анненкова. Оно впервые дало возможность приступить къ всестороннему изученію гениальнаго поэта. Труды издателя были по справедливости оцѣнены Московскимъ университетомъ, избравшимъ его въ свои почетные члены, по истеченіи пятидесяти лѣтъ отъ смерти Пушкина.

III.

Перехожу къ моему знакомству съ Бѣлинскимъ. Впервые мы встрѣтились въ 1834 или 1835 году у моего университетскаго товарища Селивановскаго, сына нѣкогда извѣстнаго типографщика. Въ домѣ его занималъ квартиру Надеждинъ, издатель «Молвы», въ которой явились «Литературныя мечтанія», заинтересовавшія весь московскій читающій людъ. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней, вечеромъ, у Селивановскаго сошлись: я, В. П. Боткинъ и Н. А. Полевой. Послѣдній, по запрещеніи «Телеграфа», занимался тогда редакціей «Живописнаго Обозрѣнія», издателемъ котораго былъ типографщикъ Семень. Послѣ чая, передъ ужиномъ, вошелъ Бѣлинскій, помѣщавшійся, если не ошибаюсь, въ квартирѣ Надеждина, у котораго состоялъ главнымъ сотрудникомъ. Хозяинъ и Полевой встрѣтили его, какъ уже знакомое лицо. Это доказывалось ихъ свободнымъ и шутливымъ съ нимъ обращеніемъ. Селивановскій даже трунилъ надъ его отпущенными усами, называя ихъ знакомъ литературнаго удалства. Бѣлинскій видимо конфузился, но былъ

разговорчивъ и веселъ. Затѣмъ мы сходились въ такъ называвшейся «Литературной кофейнѣ», которую почти ежедневно посѣщали артисты московскихъ театровъ и любители чтенія газетъ и журналовъ, особенно принимавшіе участіе въ ихъ изданіи. Впрочемъ, Бѣлинскій рѣдко приходилъ туда, занятый срочною работою у Надеждина. Въ 1837 г. онъ напечаталъ первую часть (этимологию) своей «Русской грамматики для первоначальнаго обученія». Я послалъ отчетъ о ней къ Краевскому, въ «Литературныя Прибавленія» къ «Русскому Инвалиду»¹⁾: въ этомъ отчетѣ отдано должное его труду, особенность и новостъ котораго (по тогдашнему времени) заключалась въ томъ, что значеніе частей рѣчи выводилось изъ разложенія предложенія, иначе: исходнымъ пунктомъ этимологіи полагался синтаксисъ. Бѣлинскій былъ очень доволенъ этимъ указаніемъ: онъ благодарилъ меня, что я выставилъ напоказъ именно то отличіе его учебника, которое онъ самъ цѣнилъ преимущественно и которымъ его трудъ отличается отъ другихъ трудовъ по тому же предмету²⁾. Вскорѣ послѣ этого мы сошлись еще ближе, благодаря общему сотрудничеству по критикѣ и библіографіи въ двухъ повременныхъ изданіяхъ: въ «Прибавленіяхъ къ Инвалиду», и въ «Отечественныхъ Запискахъ» перваго года (третьимъ товарищемъ въ томъ же дѣлѣ былъ М. Н. Катковъ). Сбираясь на переселеніе въ Петербургъ, Бѣлинскій рекомендовалъ мнѣ, вмѣсто себя, П. Н. Кудрявцева, еще студента, но уже заявившаго себя въ литературѣ повѣстями, которыя, подъ псевдонимомъ Нестроева, помѣщались въ «Наблюдателѣ», когда этотъ журналъ издавался типографщикомъ Степановымъ, а редактировался Бѣлинскимъ. За эту рекомендацію я душевно благодарилъ его: трудно было найти лице, болѣе талантливое, болѣе знакомое съ отечественной литературой и болѣе добросовѣстное для того дѣла, за которое онъ взялся.

Супруга Бѣлинскаго, Марья Васильевна Орлова, была классной дамой въ Московскомъ Александровскомъ институтѣ, гдѣ я преподавалъ русскій языкъ и словесность и, сверхъ того, занималъ должность помощника инспектора классовъ. Она и нѣкоторыя изъ ея сослуживицъ отличались любознательностью, интересовались современной литературой. Я снабжалъ ихъ «Отечественными Записками», «Современникомъ» и другими книжными новостями. Наѣзжая въ Петербургъ, я большею частію имѣлъ притонъ у Краевскаго, но, разумѣется, посѣщалъ и Бѣлинскаго, который удивлялся моею привязанности къ Москвѣ и чаепійству: ни того, ни другаго онъ очень не жаловалъ. Переписки между нами не было, но въ письмахъ къ Кудрявцеву онъ посылалъ мнѣ поклонны, какъ «общему другу» (его и Кудрявцева).

¹⁾ 1837, №№ 36 и 37.

²⁾ Другой разборъ той же книги (К. С. Аксакова) основанъ на противоположномъ началѣ.

Считаю уместнымъ сказать нѣсколько словъ объ инцидентѣ или пассажѣ по поводу разрыва Бѣлинскаго съ «Отечественными Записками» и перехода его къ «Современнику». Это было крупнымъ событіемъ и сильно взволновало литературную братію, принимавшую участіе въ означенныхъ журналахъ. Главнымъ поводомъ къ волненію служило письмо Бѣлинскаго къ В. П. Боткину ¹⁾. Въ этомъ письмѣ онъ заявилъ желаніе, если не требованіе, чтобы московскіе сотрудники Краевскаго огуломъ отреклись отъ него и перенесли свою дѣятельность исключительно въ «Современникъ». Само собою разумѣется, что такое желаніе могло удивить, но не понравиться, такъ какъ оно равнялось покушенію на свободу лицъ, давно вышедшихъ изъ-подъ опеки и привыкшихъ распоряжаться своимъ добромъ по собственному усмотрѣнію. Какое было дѣло Грановскому, Соловьеву, Кудрявцеву... до взаимно-непріязненныхъ отношеній обѣихъ редакцій? Они посылали свои статьи въ тотъ или другой журналъ по собственному усмотрѣнію. Въ письмѣ, о которомъ идетъ рѣчь, я выставленъ, какъ неизмѣнный пособникъ Краевскаго, хотя по временамъ я снабжалъ и «Современникъ» своими трудами, которые охотно принимались его издателями, Некрасовымъ и Панаевымъ. Впрочемъ, тревога разрѣшилась благополучно. Бѣлинскій былъ такъ добръ, правдивъ и честенъ, такъ дорожилъ истиной, что не могъ оставаться долго въ туманѣ самозабвенія: онъ созналъ свою ошибку, какъ слѣдствіе болѣзненной раздражительности, и жалѣлъ искренно, что огорчилъ своимъ письмомъ московскихъ друзей.

Дозволяю вмѣнить себѣ въ заслугу два дѣла, относящіяся къ Бѣлинскому: а) собраніе его сочиненій издано по моему списку, такъ какъ списокъ, представленный покойнымъ М. Н. Лонгиновымъ и переданный мнѣ Н. Х. Кетчеромъ, заботившимся объ изданіи, былъ исполненъ пропусками и невѣрностями; б) по моему представленію, комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ присудилъ выдавать его вдовѣ съ дочерью пенсію въ 600 рублей.

IV.

Въ плеядѣ беллетристовъ, слѣдовавшихъ за Пушкинымъ и начавшихъ дѣйствовать въ сороковыхъ годахъ, пальма первенства, несомнѣнно, принадлежала И. С. Тургеневу. Каждое произведеніе его ожидалось съ нетерпѣніемъ, читалось съ жадностью и оставляло сильное впечатлѣніе въ умѣ и сердцѣ читателя. Независимо отъ крупнаго таланта, онъ самъ по себѣ, своею личностью, съ перваго раза привлекалъ къ себѣ искренно и крѣпко. Тайна вле-

¹⁾ Отъ 4 ноября 1847 года (напеч. въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1869 г., № 187—188).

ченія объясняется его мягкостью и добротою, а потомъ капитальнымъ образованіемъ. Въ немъ не было покушеній на нетерпимость. Случалось нерѣдко, что въ литературныхъ спорахъ онъ становился скорѣе на сторону защиты, чѣмъ на сторону нападенія. Даже въ карточной игрѣ, когда плохой партнеръ дѣлалъ промахи, у него всегда находились въ запасѣ «обстоятельства, смягчающія вину». Онъ не тяготился, когда юные претенденты на поэзію осаждали его просьбами прочесть ихъ первые опыты и сказать о нихъ мнѣніе. Щадя молодое самолюбіе, онъ давалъ имъ поводъ продолжать занятія, отъ которыхъ, конечно, было бы полезнѣе отвлекать ихъ; но Тургеневу совѣстно было рѣшиться на такой совѣтъ, частію по деликатности, а частію и по надеждѣ: авось современемъ и выйдетъ что либо путное изъ первыхъ шаговъ юношей на Парнасъ. Надежды, большею частью, не сбывались, за что и доставалось ментору отъ В. П. Боткина, не терпѣвшаго разочарованія въ искусствѣ, какое бы оно ни было—эстетическое или кулинарное. Примѣровъ тому не мало. Тургеневъ увлекся рассказами одного изъ московскихъ студентовъ медицинскаго факультета, Л—ва, и началъ чрезъ мѣру восхвалять ихъ.—«Посмотримъ, мой милый,—сказалъ съ недовѣрчивостью Боткинъ:—познакомь меня съ лучшими мѣстами рассказовъ твоего protégé». Тургеневъ началъ читать, но чѣмъ больше читалъ, тѣмъ больше Василій Петровичъ хмурился и, наконецъ, напустился на своего пріятеля: «Такъ это-то, но твоему мнѣнію, многообѣщающій талантъ? Это-то ты называешь перлами поэзій? Это, мой милый, не перлы, а ерунда, дичь» и т. д. Однажды я и П. В. Анненковъ застали у Ивана Сергѣевича благообразнаго офицера, съ тетрадью въ рукахъ. По уходѣ его, И. С. обратился къ намъ съ такими словами: «Знаете ли, кто это былъ у меня? Это такой талантъ, которому Лермонтовъ не достоинъ будетъ развязать ремень обуви». Замѣтивъ наше сомнѣніе, онъ промолвилъ: «Ну, вотъ увидите сами». Къ сожалѣнію, мы этого не увидѣли: хотя молодой офицеръ и оказался дѣйствительно талантливымъ, но все же не заткнулъ Лермонтова за поясъ.

Образованіемъ Тургеневъ несомнѣнно превышалъ всѣхъ своихъ сверстниковъ-литераторовъ. Окончивъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, онъ за границей слушалъ лекціи нѣмецкихъ профессоровъ изъ школы Шеллинга и Гегеля. Литературы французская и нѣмецкая были капитально ему знакомы. Съ даромъ творчества соединялся у него и талантъ критическій, что доказывалось сужденіями о важнѣйшихъ поэтическихъ твореніяхъ. Мнѣнія его были очень оригинальны, соединяя серьезность нѣмецкой эстетики съ ясностью изложенія французскихъ критиковъ.

По добротѣ своей, Тургеневъ оказывалъ помощь своимъ товарищамъ по ремеслу, т. е. ссужалъ ихъ деньгами во дни безде-

нежя. Однажды я засталъ его за письменнымъ столомъ съ реестромъ въ рукахъ. На вопросъ мой: «Чѣмъ вы занимаетесь?»—онъ отвѣчалъ:— «Да вотъ свожу итогъ деньгамъ, взятымъ у меня взаймы такими-то и такими лицами».—«Сумма не малая»,—замѣтилъ я.—«Конечно, такъ; но знаете ли что? я нисколько не раскаяваюсь съ ссудахъ: я увѣренъ, что каждому лицу, означенному въ реестрѣ, ссуда принесетъ пользу, поправить его временную нужду. За одного только должника не ручаюсь; боюсь, что помощь не пойдетъ ему въ прокъ»... и онъ указалъ мнѣ на означенномъ реестрѣ: А. А. Г—ву (столько-то).

Симпатична и трогательна была привязанность Тургенева къ дѣтямъ. Случалось нерѣдко, что онъ, пріѣхавъ на вечеръ и принявъ участіе въ общей бесѣдѣ, оставлялъ ее и подсаживался въ другой комнатѣ къ какому нибудь мальчугану или дѣвочкѣ на разговоръ. Ему интересно было подмѣчать въ нихъ проявленіе смысла, зародышъ какого нибудь дарованія. Въ такомъ случаѣ онъ сообщалъ родителямъ свои замѣчанія и совѣтовалъ имъ обратиться на нихъ вниманіе. Извѣстно, что для дѣтей онъ и переводилъ, и сочинялъ сказки.

Прислуга также любила своего барина. Разсказывали (за вѣрность слуха не ручаюсь), что онъ и братъ его были одолжены ей полученіемъ материнскаго наслѣдства. Мать, почему-то не любившая сыновей своихъ, хотѣла передать все имущество своей воспитанницѣ (Л—ой), побочной дочери одного изъ московскихъ неважныхъ докторовъ. Заболѣвъ серьезно, она посылала за нотариусомъ, но посылаемые не исполняли приказаній барыни и дали знать Ивану Сергѣевичу, не бывшему тогда въ Москвѣ, о серьезной болѣзни своей госпожи и приглашали его поспѣшить пріѣздомъ. Тургеневъ явился, когда духовной, по агоніи больной, уже невозможно было совершить. Такъ или иначе, но Тургеневъ изъ нуждавшагося литератора сталъ богатымъ. Это дало ему средство вести жизнь привольную, собирать знакомыхъ москвичей и угощать ихъ обѣдами. Такъ какъ прежній поваръ не дѣлалъ чести своему искусству, то онъ просилъ одного изъ своихъ петербургскихъ купить ему другаго, хорошаго повара. Слово «купить» вызвало бы теперь смѣхъ или раздраженіе, но тогда оно, какъ обычное выраженіе, не удивляло даже самыхъ ревностныхъ противниковъ крѣпостнаго права. Дѣло не въ словѣ, а въ чувствѣ, съ которымъ оно произносится, и въ мысли, которая съ нимъ сопрягается. Заключать отсюда о барствѣ или аристократизмѣ не слѣдуетъ. Тотъ же самый Тургеневъ, довольный «купленнымъ» поваромъ за отлично приготовленнымъ обѣдъ, въ концѣ стола позвалъ его, выпилъ за его искусство и поднесъ ему самому бокалъ шампанскаго. Можеть стать, это было уже слишкомъ, черезъ край, но было именно такъ. Обвинявшіе автора «Записокъ охотника» въ барствѣ

должны были помнить, что этимъ сочиненіемъ онъ оказалъ не малую услугу образу мыслей относительно крѣпостнаго права.

На обѣды къ Тургеневу приглашались московскіе профессора и литераторы, принадлежавшіе къ такъ называемой европейской партіи (Грановскій, Кудрявцевъ, Забѣлинъ, Боткинъ, Кетчеръ, Ѳеоктистовъ и др.), хотя онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми членами славянофильскаго кружка, особенно съ С. Т. Аксаковымъ. Изъ артистовъ почти постоянно являлись Щепкинъ, Садовскій и Шумскій и какой-то нѣмецъ, можетъ быть, подлинникъ Лемма (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ»), мастерски игравшій на фортепьяно. Иногда послѣ обѣда устраивался небольшой хоръ, подъ управленіемъ Шумскаго, и гости, обладавшіе голосомъ, исполняли тотъ или другой хоръ изъ какой нибудь оперы, преимущественно изъ «Аскольдовой могилы». А иногда Садовскій морилъ со смѣха вымышленными рассказами, которые мнѣ нравились больше рассказовъ Горбунова: въ нихъ ярче, интереснѣе выступалъ комизмъ, потому что соединялся съ нѣкоторымъ лицедействомъ... Однимъ словомъ, все было свѣтло, радостно, дружелюбно, хотя по временамъ и не обходилось безъ споровъ, на которые москвичи были очень падки (не знаю, какъ теперь). При одномъ воспоминаніи объ этомъ, уже давно минувшемъ времени, я чувствую себя лучше, веселѣе, самодовольнѣе.

По выходѣ въ свѣтъ «Записокъ охотника» извѣстность Тургенева возростала все больше и больше. Рядъ такихъ произведеній, какъ «Рудинъ», «Дворянское гнѣздо», «Отцы и дѣти», «Дымъ», возвели ихъ производителя на первое мѣсто и возбудили глубокую къ нему симпатію. Иначе и не могло быть, потому что Тургеневъ принадлежалъ къ разряду талантовъ субъективныхъ, то есть состоялъ въ родствѣ съ созданными имъ героями, представителями тогдашняго образа мыслей, страдалъ ихъ недугами, былъ въ числѣ людей слабовольныхъ, не дѣйствующихъ, а размышляющихъ, заѣденныхъ, по его собственному выраженію, рефлексіей и анализомъ. Съ какимъ интересомъ читалось и перечитывалось «Дворянское гнѣздо!» Сколько чувствъ было возбуждено имъ, сколько слезъ оно стоило читателямъ и преимущественно читательницамъ! Нѣкоторыя мѣста его такъ сильно дѣйствовали на чувства, что приходилось иногда на нѣкоторое время прерывать чтеніе¹⁾. Справедливость высказаннаго обнаружилась блистательно на публичныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ пользу общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Первое чтеніе состоялось 10-го января 1861 г. въ залѣ Пассажа. Тургеневъ выбралъ изъ своихъ сочиненій этюдъ, или, пожалуй, характеристику: «Донъ-

¹⁾ Подобное дѣйствіе, хотя и не въ такой мѣрѣ, производила повѣсть г. Григоревича: «Антонъ-горемыка».

Кихоть и Гамлетъ». Надобно было присутствовать, чтобы понять впечатлѣніе, произведенное его выходомъ. Онъ долго не могъ начать чтеніе, встрѣченный шумными, громкими рукоплесканіями, и даже нѣсколько смутился отъ такого пріема, доказавшаго, что онъ былъ въ то время нашъ излюбленный беллетристъ. Особенное чувство выказывали тѣ посѣтители, которые, будучи очень хорошо знакомы съ его сочиненіями, впервые лицомъ къ лицу увидали сочинителя. Короче, львиная часть овацій досталась на долю Тургеневу, и вполне справедливо.

Независимо отъ главнаго направленія своего поэтического таланта, Тургеневъ обладалъ и значительною способностью къ сатирѣ. Этотъ въ сущности кроткій голубь могъ въ случаѣ надобности и язвить, какъ змѣя. Отрицательное отношеніе къ текущей дѣйствительности выразилось всего явственнѣе въ романѣ «Дымъ», рѣчами Потугина. Здѣсь, какъ говорится, досталось и нашимъ, и вашимъ—и западникамъ, и славянофиламъ, почему онъ и не былъ въ авантажѣ ни у тѣхъ, ни у другихъ. Потугинъ осмѣялъ нашихъ борзыхъ прогрессистовъ, изъ которыхъ двое даже поименованы (Шелгуновъ и Щаповъ), а третій выведенъ подъ вымышленной фамиліей Воротилова—того самаго (какъ ходили слухи), въ которомъ авторъ предсказывалъ поэта выше Лермонтова. Въ Губаревѣ, представителѣ нашихъ прогрессистовъ, думали видѣть Огарева, но едва ли справедливо: между ними нѣтъ никакого сходства, кромѣ развѣ того, что ихъ фамиліи образуютъ богатую риму. Со стороны читателей, видѣвшихъ въ Потугинѣ отсутствіе патріотизма, явилась даже слѣдующая эпиграмма на романъ:

«И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!—
 «Намъ вѣкъ минувшій говорить.
 «Вѣкъ нынѣшній и въ солнцѣ ищетъ пятенъ,
 «И смраднымъ «Дымомъ» онъ отечество коптитъ».

Сочиненіе этой эпиграммы приписывали князю П. А. Вяземскому.

Прибавлю, что еще до появленія романа въ печати авторъ читалъ изъ него нѣкоторыя мѣста въ пользу литературнаго фонда. Чтеніе происходило въ Петербургѣ, въ домѣ бывшемъ Бенардаки (на Невскомъ проспектѣ), и привлекло многочисленную публику. Посѣтители, даже изъ числа самыхъ серьезныхъ, не могли удержаться отъ смѣха при характеристикѣ русскихъ людей, жившихъ за границей.

Другой образчикъ сатиры, доведенный до сарказма или пасквиля, Тургеневъ адресовалъ къ одному изъ лицъ, извѣстныхъ и въ службѣ, и въ литературѣ. Вотъ первыя строки этого злостнаго посланія:

«Другъ мыслей возвышенныхъ,
 «Чуть-чуть не коммунистъ,
 «Удавъ для подчиненныхъ,
 «Передъ П—мъ ¹⁾ — глеть.

Само собою разумѣется, такими ядовитыми посланіями наживаются непримиримые враги. Дѣйствительно, авторъ и охарактеризованная имъ личность сошлись только чрезъ многія лѣта: одинъ—съ извиненіемъ, другой—съ прощеніемъ обиды.

Отзывы Тургенева о лицахъ и литературныхъ произведеніяхъ выказываютъ его остроуміе мѣткое и въ то же время изящное. Приведу одинъ примѣръ. Узнавъ, что одинъ изъ нашихъ талантливыхъ поэтовъ вмѣсто прежней своей фамиліи, съ которой уже соединена была его извѣстность, принялъ другую, онъ замѣтилъ: «Какая жалость! у этого человѣка было имя, а онъ промѣнялъ его на фамилію». Кстати приведу появившееся на этотъ случай четверостишіе:

«Какъ снѣгъ вершинъ,
 «Какъ фунтъ конфетъ,
 «Исчезнулъ . . . ъ
 «И сталъ . . . нъ

Что Тургеневъ искони и неизмѣнно принадлежалъ къ западникамъ, что идеаломъ нашего интеллектуальнаго и политическаго развитія долженствовала, по его убѣжденію, неизбежно служить Западная Европа, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Это доказывается его спорами съ московскими славянофилами, которые, не смотря на несогласіе съ нимъ во взглядахъ, уважали его высокій талантъ, но еще болѣе его сочиненіями, особенно романомъ «Дымъ». Беру изъ него для примѣра одно мѣсто. Прощаясь съ Литвиновымъ, возвращающимся въ Россію, Потугинъ даетъ ему слѣдующій напутственный совѣтъ: «Всякій разъ, когда вамъ придется приниматься за дѣло, спросите себя: служите ли вы цивилизаціи, въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова, проводите ли одну изъ ея идей, имѣетъ ли вашъ трудъ тотъ педагогическій, европейскій характеръ, который единственно полезенъ и плодотворенъ въ наше время, у насъ? Если такъ—идите смѣло впередъ: вы на хорошемъ пути, и дѣло ваше благое». Ясно, что, по мнѣнію Потугина (или Тургенева), слѣдованіе по стопамъ Западной Европы есть *sine qua non* русскаго преуспѣянія во всѣхъ отношеніяхъ.

Не помню, кто, гдѣ и когда (кажется, г. Марковъ въ газетѣ «Голосъ» пятидесятихъ годовъ) видѣлъ причину элегическаго настроенія Тургенева въ страхъ его при мысли о неизбежной смерти. Настоящее время выразилось бы такимъ образомъ, что Тургеневъ

¹⁾ Начальникъ вѣдомства, въ которомъ служилъ А—въ.

былъ «пессимистъ». Дѣйствительно, нѣкоторыя мѣста его произведеній оправдываютъ такое мнѣніе. Вотъ, напримѣръ, какія мысли, говоря его словами, приходили ему на умъ въ небольшомъ разсказѣ «Поѣздка въ Полѣсье (1857)»: «Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона вода поднимается одинъ и тотъ же голосъ: «мнѣ нѣтъ до тебя дѣла»,—говорить природа человѣку,—«я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть». «При видѣ неизмѣннаго, мрачнаго бора глубже и неотразимѣе, чѣмъ при видѣ моря, проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихій; нѣтъ—вся душа его никнѣтъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли, и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ». Одно изъ «Стихотвореній въ прозѣ», подъ названіемъ «Природа», подтверждаетъ высказанный взглядъ.

Нѣкоторые читатели и критики осуждали Тургенева за отсутствіе нравственныхъ принциповъ, идеала. Это несправедливо и обличаетъ малое вниманіе читающихъ. Напротивъ, у него явленно выражалась высочайшая цѣль человѣческой жизни—альтруизмъ, любовь къ ближнимъ. Почетнѣйшимъ титуломъ каждому изъ насъ служить слово «добрый». «Да»,—говоритъ онъ въ заключеніи своего прекраснаго этюда (Гамлетъ и Донъ-Кихотъ),—«одно это слово имѣетъ еще значеніе передъ лицомъ смерти. Все пройдетъ, все исчезнетъ; высочайшій санъ, власть, всеобъемлющій гений,—все разсыплется прахомъ. Но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ: онѣ долговѣчнѣе самой сіяющей красоты; все минется, сказалъ Апостолъ, одна любовь останется». Прибавлю къ этому еще заключительныя слова къ разсказу о долгомъ спорѣ университетскихъ товарищей—Лаврецаго и Михалевица. «А вѣдь онъ, пожалуй, правъ»,—думалъ Лаврецкій, возвращаясь въ домъ. Затѣмъ говоритъ авторъ, т. е. Тургеневъ: многія изъ словъ Михалевица неотразимо вошли ему въ душу, хотъ онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ. Этимъ взглядомъ объясняется предпочтеніе, оказанное Тургеневымъ Донъ-Кихоту, въ сопоставленіи послѣдняго съ Гамлетомъ: «онъ живетъ не для себя, а внѣ себя, для другихъ; идеаль его—истребленіе зла, водвореніе истины и справедливости на землѣ; чтобы достигнуть этой цѣли, онъ готовъ на всевозможныя жертвы».

Но не даромъ говорится: «и въ солнцѣ, и въ лунѣ есть темныя пятна». Были такія пятна и въ прекрасной личности Ивана Сергѣевича. Наболѣе замѣтныя изъ нихъ обнаруживались въ слабо-

воли, легкомыслия, неустойчивости. Близкіе къ нему москвичи откровенно замѣчали ему этотъ недостатокъ. Н. Х. Кетчеръ нерѣдко говаривалъ ему: «ты ростомъ съ слона, а душа у тебя съ горошину»; В. П. Боткинъ величалъ его «Митрофаномъ». Можетъ быть, отсутствіе твердой воли объясняется его дряблымъ темпераментомъ, рыхлымъ тѣлосложеніемъ. Этотъ великорослый человѣкъ говорилъ голосомъ отрока, часто жаловался на нездоровье и завидовалъ людямъ крѣпкимъ, которые обладали неизмѣннымъ аппетитомъ и надлежащимъ пищевареніемъ. Холеры боялся онъ паче всего и немедленно бѣжалъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда она направлялась. Вотъ одинъ изъ примѣровъ, подтверждающихъ вышесказанное. Тургеневъ былъ коротко знакомъ съ извѣстной писательницей Евгеніей Туръ, относился съ большой похвалой о ея романѣ «Племянница» и даже вызвался написать разборъ его. Такъ было въ Москвѣ, но не такъ вышло въ Петербургѣ, среди издателей «Современника», которые не жаловали автора «Племянницы»: подъ ихъ внушеніемъ критическая статья вовсе не отвѣчала тому, что критикъ говорилъ въ Москвѣ. Иногда, Богъ знаетъ почему, Тургеневъ высказывалъ мнѣніе, прямо противоположное тому, что онъ дѣйствительно думалъ. Къ числу такихъ выходовъ принадлежитъ его отзывъ о предпріятіи П. В. Анненкова издать сочиненія Пушкина, приведенный г-жею Головачевой-Панаевой въ ея «Воспоминаніяхъ»: Анненковъ ни съ того, ни съ сего обзывается кулакомъ, круглымъ невѣждой, а изданію его предсказывается позоръ; Некрасову же дѣлается выговоръ, что онъ упустилъ случай взять на себя изданіе. Все это не согласно съ настоящею мыслью Тургенева: онъ отлично зналъ, что Некрасовъ, хотя и крупный поэтический талантъ, не могъ по своему недостаточному образованію удовлетворительно исполнить предпріятіе, тогда какъ Анненковъ, хотя и не поэтъ, но обладавшій мѣткимъ поэтическимъ чувствомъ и надлежащими знаніями, съумѣетъ удовлетворить ожиданія публики, что онъ дѣйствительно и сдѣлалъ, приложивъ къ изданію «Матеріалы» для біографіи Пушкина. Зачѣмъ же онъ говорилъ противъ своего убѣжденія? Да такъ—ни съ того, ни съ сего. Иногда,—что грѣха таить?—онъ и о себѣ, и о другихъ, рассказывалъ небывальщину, почему Бѣлинскій и называлъ его импровизаторомъ. Далѣе, Тургеневъ не жаловалъ Добролюбова за «Свистокъ» (въ «Современникѣ»), направляемый безразлично одесную и ошую, на хорошее и дурное. Я помню, что на обѣдѣ у одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба онъ укорялъ его за отсутствіе идеаловъ въ сужденіяхъ о литературѣ, что дурно дѣйствовало на молодежь, а въ одномъ изъ засѣданій комитета литературнаго фонда онъ напалъ на Кавелина за его сочувствіе къ «Свистку»: «Нашего брата въ грязь топчатъ (выговаривалъ онъ ему), а вы хохочете и своимъ хохотомъ одобряете безобразіе». Но въ другихъ подобныхъ тому

явленіяхъ Тургеневъ оставался молчаливъ и равнодушенъ, какъ бы потакая имъ или даже поощряя ихъ своимъ равнодушіемъ. Наконецъ, болѣе и болѣе рѣдкое появленіе его на Руси, болѣе и болѣе сильное стремленіе за границу, преимущественно во Францію, а здѣсь преимущественно въ семейство Віардо, вмѣстѣ съ неясностью его отношеній къ лицамъ разныхъ политическихъ и социальныхъ ученій, смущало его почитателей и отчуждало его отъ единомышленниковъ. Конечно, онъ любилъ Россію, но уже любилъ ее издалека, не бывъ свидѣтелемъ, что съ ней дѣлается за послѣднее время его жизни. Неуспѣхъ его романа «Новъ» обнаружилъ невозможность изображать новыя движенія народной жизни заочно, по слухамъ или газетамъ ¹⁾. На ряду съ его знаменитостью стали имена Достоевскаго и графа Л. Н. Толстаго, а въ настоящее время и превысили ее, судя по журнальнымъ отзывамъ. Замѣтимъ, однако-жь, что Тургеневъ и за границей оказалъ несомнѣнную услугу нашей поэзіи, познакоивъ съ нею французовъ и раскрывъ имъ существенное ея свойство, состоящее въ томъ, что она имѣетъ своимъ предметомъ и цѣлью — правду жизни.

V.

Съ Николаемъ Федоровичемъ Щербиной познакомился я въ концѣ пятидесятихъ годовъ въ Петербургѣ. Онъ часто посѣщалъ мое семейство по четвергамъ въ день, назначенный для пріятелей и знакомыхъ. Каждый приходъ его былъ праздникомъ для нашихъ гостей, такъ какъ онъ угощалъ ихъ произведеніями своей сатирической музы, имѣвшей въ виду преимущественно пишущую братію. К. Д. Кавелинъ помиралъ со смѣху, слушая сочиненное имъ на славянскомъ діалектѣ «Сказаніе о старцѣ Михаилѣ» ²⁾. Впечатленію не мѣшало даже природный недостатокъ автора — заиканіе: напротивъ, оно сообщало особую оригинальность рассказчику, который сохранялъ полнѣйшую серьезность. Случалось, что у него экспромтомъ являлись эпиграммы на нѣкоторые знакомыя лица, и плодомъ такого внезапнаго вдохновенія онъ тотчасъ дѣлился съ присутствующими. Таково, напримѣръ, четверостишіе на Л—ва, преподавателя математики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, занимавшагося, кромѣ того, философіей и даже покушавшагося занять каведру этого предмета въ С.-Петербургскомъ университетѣ:

¹⁾ По выходѣ этого романа явилась слѣдующая эпиграмма:

«Твердятъ, что новъ родитъ сторицей;
«Но видно плохи сѣмена,
«Иль пересохла за границей:
«Въ романѣ «Новъ» — полынъ одна».

²⁾ М. П. Погодинъ.

«Истор. вѣстн.», январь, 1892 г., т. XLVII.

«Онъ Пилать студентской дружбы ¹⁾,
 «Онъ философъ нашихъ лѣтъ,
 «Онъ полковникъ русской службы,
 «Русской мысли онъ—кадетъ.

Кто зналъ Л—ва, тотъ вполне признаетъ мѣткость и вѣрность послѣдняго стиха.

Вотъ характеристика одного изъ поэтовъ, или, вѣрнѣе, поэтиковъ: «это—благонамѣренная, прогрессивная въ гуманномъ и социалистическомъ направленіи посредственность; это — канарейка, поющая съ органчика социализма, пауперизма, гуманизма, прогресса,—канарейка, постоянно вѣрная въ началѣ принятому ею камертону». Нерѣдко приходилось ему въ гостяхъ схватывать что либо забавное и тутъ же выражать его оригинальнымъ образомъ. Однажды, сидя на диванѣ, онъ облокотился на шитую подушку, очень туго набитую, жесткую: «это не подушка, сказалъ онъ, а «Путь ко спасенію» ²⁾. Замѣтивъ пониженіе дѣятельности одного изъ самыхъ почтенныхъ профессоровъ, онъ охарактеризовалъ его именемъ Новиковскаго журнала «Покоящійся трудолюбецъ». О сотрудникахъ «Москвитянина» сороковыхъ годовъ (иначе «молодой редакціи» этого журнала) онъ говорилъ: «это не славянофилы, а спиртофилы». Редакція не осталась въ долгу: она отвѣчала удачной эпиграммой. Зашла какъ-то рѣчь о привычкѣ редактора одного изъ лучшихъ журналовъ ежедневно гулять по Невскому проспекту въ 8 или 9 часовъ утра. «Неправда,—возразилъ Щербина:—онъ гуляетъ лишь въ тѣ дни, когда камердинеръ ему докладываетъ, что въ воздухѣ пахнетъ пятиалтыннымъ». Всѣмъ извѣстно его стихотвореніе къ тѣни Булгарина, съ просьбой рѣшить, кто изъ двухъ тогдашнихъ литераторовъ продажныѣй и подлѣй. Особенно забавенъ былъ разговоръ Щербины о томъ состояніи, въ какомъ онъ обрѣтался на вечерахъ у одной писательницы-поэтессы, любившей читать произведенія пера своего. Скука одолѣвала присутствующихъ, но не дожидаться конца чтенію было невѣжливо. Щербина рѣшился прибѣгнуть къ хитрости: онъ началъ садиться у двери, ближайшей къ выходу, чтобы, улучивъ добрый моментъ, скрыться незамѣтно. Раза три стратагема удавалась, но потомъ хозяйка замѣтила ее и приняла свои мѣры: она клала бульдоговъ у обѣихъ половинъ выходной двери. Какъ только Щербина привставалъ, намѣреваясь дать тягу, такъ бульдоги начинали глухо рычать и усаживали его снова на кресло...

Дорожа талантомъ привлекать вниманіе слушателей своими разсказами, Николай Ѳедоровичъ имѣлъ слабость завидовать тѣмъ, которые могли состязаться съ нимъ, а иногда и превосходить его

¹⁾ Относится къ тогдашнимъ сходкамъ и воденіямъ студентовъ.

²⁾ Сочиненіе Ѳедора Эмина.

въ томъ же искусствѣ. Однажды, среди разгара его сатирическаго краснорѣчія, постигъ насъ И. А. Гончаровъ, воротившійся изъ своего путешествія. Разумѣется, онъ заполонилъ вниманіе гостей любопытнымъ разсказомъ о видѣнныхъ имъ странахъ, такъ что Щербина, какъ говорятъ теперь, стушевался. Я взглянулъ на него: онъ былъ печаленъ и вскорѣ ушелъ.

При выдающейся наклонности къ сатирѣ, Щербина обладалъ вѣрнымъ чувствомъ изящнаго, что и доказалъ какъ оцѣнкой появлявшихся произведеній нашихъ поэтовъ, такъ и собственными стихотвореніями, которыя не были заурядными, но выдавались и внѣшней формой, и чувствомъ или мыслью. Авторъ ихъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу мыслящихъ и по взглядамъ своимъ склонялся всего болѣе къ славянофиламъ. Онъ преслѣдовалъ каждаго прогрессиста, который восхищается всѣмъ новымъ, потому только, что оно ново, и который выставленъ на посмѣшище словами поэта:

«Что ему книга послѣдняя скажетъ,
«То на душѣ его сверху и ляжетъ».

Щербина уважалъ преданіе и цѣнилъ лишь тотъ прогрессъ, который совершается на основаніи историческомъ, безъ разрыва съ прошлымъ. На этомъ пунктѣ онъ раздѣлялъ взгляды Хомякова, Аксакова и Кирѣевскаго. Свидѣтельствомъ этого, между прочимъ, служить изданная имъ книга: «Пчела», т. е. сборникъ для народнаго чтенія и для употребленія при народномъ обученіи. Самое названіе напоминаетъ древне-русскую литературу. Содержаніе книги расположено по важнѣйшимъ предметамъ любознательности и душевной пользы русскаго человѣка, коренныя стихи котораго сохранились среди простаго народа. Книга состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, и одинъ изъ нихъ «общеславянскій», заключающій въ себѣ свѣдѣнія о славянахъ вообще, о Кириллѣ и Меѳодіи, нѣкоторыя пѣсни болгаръ, сербовъ, словаковъ, чеховъ.

VI.

Кудрявцевъ (Петръ Николаевичъ), по характеру и образованію, не походилъ ни на своихъ друзей и одномысленниковъ, ни на лицъ другаго направленія. Онъ чтилъ въ особенности Грановскаго, который, съ своей стороны, относился къ нему съ любовью и уваженіемъ; онъ состоялъ также въ неизмѣнно дружескихъ отношеніяхъ къ Каткову и Леонтьеву, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался отъ нихъ, въ свою пользу, существенными качествами. Это была личность исключительная, человѣкъ-особнякъ.

Одаренный врожденнымъ изяществомъ, онъ еще съ дѣтства выступалъ изъ среды своихъ сверстниковъ, привлекая къ себѣ

мягкостью нрава, пристойностью обращенія, какою-то степенностью или серьезностью. Въ немъ не было ничего рѣзкаго, порывистаго, безразсуднаго, свойственнаго почти всѣмъ его сверстникамъ, или, по крайней мѣрѣ, большинству ихъ. Рано лишился матери, онъ въ отцѣ своемъ, священникѣ Даниловскаго монастыря (въ Москвѣ), нашелъ умное и попечительное о себѣ радѣніе, въ которомъ долгъ отца совмѣщался съ нѣжною любовью матери. Сынъ платилъ ему тою же монетою.

Въ школѣ (духовной семинаріи) онъ держалъ себя исключительно, вовсе не похоже на поведеніе своихъ товарищей. Учился онъ, разумѣется, очень хорошо, но не въ этомъ главное его отличие: важно то, что онъ не старался выказывать ни учителямъ, ни товарищамъ своихъ знаній. Онъ не былъ тѣмъ, что называется «высочка»: спрашивалъ его преподаватель—онъ отвѣчалъ; не спрашивалъ—онъ не поднималъ руки, по тогдашнему школьному обычаю, давая тѣмъ знать, что я, дескать, знаю урокъ, а товарищи мои не знаютъ. Такимъ обычаемъ, можетъ быть, и поощряется школьный успѣхъ, но въ то же время развивается тщеславіе, корыстное соревнованіе, изъ малыхъ ребятъ готовящее взрослыхъ членовъ общества, любящихъ подставлять ногу своимъ сослуживцамъ.

Чувство долга глубоко лежало въ его душѣ. Какъ въ собственномъ образованіи на всѣхъ его ступеняхъ онъ былъ исполнительенъ, такъ въ послѣдствіи и въ своей педагогической практикѣ онъ относился къ своему дѣлу серьезно, не позволяя себѣ манкировать принятою на себя обязанностью или относиться къ ней кое-какъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истый «классикъ», тогда какъ его сослуживцы отличались «романтизмомъ», т. е. нерѣдкимъ отлыниваньемъ отъ уроковъ подъ разными предлогами.

Петръ Николаевичъ принадлежалъ къ натурамъ сосредоточеннымъ. Онъ не любилъ распахиваться не только передъ незнакомыми, по даже и передъ людьми ему близкими, чѣмъ капитально отличался отъ москвичей, падкихъ на сближеніе съ новыми лицами, легко переходящихъ отъ вѣжливаго вы къ безцеремонному ты и лѣзущихъ съ перваго же визита на дружбу или даже въ родство. Онъ зналъ, чѣмъ большею частію оканчивалось такое быстрое, закадышное знакомство. Происходило это у него не отъ застѣнчивости или нелюдимства, а отъ того, что онъ дорожилъ своими задушевными связями и сходилъ лишь съ такими личностями, которыя были ему по плечу въ отношеніи двоякаго ценза—образовательнаго и нравственнаго.

Вслѣдствіе такой прирожденной замкнутости внутренній міръ Петра Николаевича туго поддавался точной характеристикѣ. Одинъ изъ повѣствователей средняго разряда вывелъ его въ какомъ-то разказѣ, который и отправилъ къ Бѣлинскому, прося его выра-

зить свое мнѣніе. «Вы напрасно, мой милый,—отвѣчалъ ему критикъ,—воображаете, что личность Кудрявцева можетъ быть легкимъ сюжетомъ для психическаго анализа: ее надобно узнать да узнать, а это не скоро дается». Жалко, что такой умный человѣкъ, какъ П. В. Анненковъ, не познакомившись съ Кудрявцевымъ обстоятельнѣй и увидѣвъ его впервые у Бѣлинскаго, назвалъ выраженіе лица его «каменнымъ» ¹⁾. Онъ сильно ошибся: трудно было найти человѣка, который бы принималъ болѣе живое участіе въ горѣ, постигавшемъ не только его друзей, но и простыхъ знакомыхъ. Всѣ, сходявшіеся съ Петромъ Николаевичемъ, никогда не расходились съ нимъ.

Съ первыхъ шаговъ самопознанія (а это началось очень рано, чуть ли не въ отрочествѣ) Кудрявцевъ сталъ запасаться негодованіемъ на косность ума и нравственнаго совершенствованія, на стѣсненіе разумной воли, стремящейся къ лучшему устройству жизни. Иначе и быть не могло, принимая въ соображеніе даровитость субъекта и коренныя отличія того сословія, къ которому субъектъ принадлежалъ по рожденію. Сословіе это обрѣталось подъ строгой дисциплиной высшихъ своихъ членовъ. Примѣры такой безусловной подчиненности Кудрявцевъ легко могъ видѣть на своемъ отцѣ, переносившемъ тѣ или другія стѣсненія, а также и въ школѣ, гдѣ первоначально обучался. Вотъ почему, снисходительный и гуманный, онъ былъ неуступчивъ, когда дѣло шло о покушеніяхъ на образъ мыслей, на идеи и принципы. Въ семействахъ того сословія, о которомъ здѣсь говорится, онъ встрѣчалъ также примѣры тяжелаго ярма. Родныя и двоюродныя сестры Петра Николаевича горячо любили его, находя въ его обхожденіи съ ними прямую противоположность съ обхожденіемъ другихъ членовъ семьи: отцевъ, братьевъ, мужей. Со стороны его неизмѣнная снисходительность и любовь, со стороны другихъ вкоренившійся обычай брутальнаго отношенія силы къ слабости. Незавидная участь одной изъ его родственницъ изображена имъ въ повѣсти: «Безъ разсвѣта».

Изъ того же источника, т. е. изъ сочувствія къ притѣсняемымъ, происходила въ его ученыхъ занятіяхъ особенная наклонность къ судьбамъ національностей, находившихся подъ чужеземнымъ гнетомъ. Такова была судьба тогдашней Италіи, исторіи которой онъ посвятилъ первый свой трудъ ²⁾. Такъ называвшійся тогда «италіанскій вопросъ» сталъ его любимой темой, а всецѣлое возрожденіе Италіи твердымъ убѣжденіемъ. На это возрожденіе смотрѣлъ онъ, какъ на торжество исторической правды. Но, будучи врагомъ вся-

¹⁾ Воспоминанія и критическіе очерки, отдѣлъ III, стр. 134.

²⁾ Судьбы Италіи отъ паденія Западной Римской имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ.

кихъ насильственныхъ распоряженій и непрощеннаго чуждаго вмѣшательства, онъ хотѣлъ бы предоставить самому народу устройство его судьбы. По его мысли, Италія могла быть способною на это при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, и потому онъ стоялъ на сторонѣ того мнѣнія, которое выражалось поговоркой: «Италія управится сама собою» (*farà da se*).

По возвращеніи его изъ-за границы (1846 г.), замѣчали въ немъ какое-то меланхолическое настроеніе и объясняли это частію его нездоровьемъ, частію чувствомъ скрываемой любви. Допуская въ извѣстной мѣрѣ дѣйствіе этихъ причинъ, слѣдовало бы не забывать третьей, болѣе разумной причины: то была благородная туга сердца при сознаніи разлада между текущею жизнію и разумными началами иной, лучшей жизни. Его тяготили въ особенности тѣ изъ современныхъ событій, которыя и у насъ, и за границей обращали вспять успѣхи цивилизаціи. При такомъ положеніи дѣлъ не мудрено было терять вѣру въ разумный прогрессъ. Но въ столѣтній юбилей Московскаго университета (1855 г.) Петръ Николаевичъ замѣтно повеселѣлъ. Это было не безъ причины. Почетъ, оказанный въ лицѣ старѣйшаго изъ нашихъ университетовъ наукъ и служителямъ ея, прояснилъ его душу и лице, ободрилъ его. Онъ мирилъ его съ тяжелою памятью прошлаго во имя надежды и довѣренности къ будущему. Вслѣдъ за Грановскимъ выдвигался и онъ на ученое поприще. Оба они привлекали къ себѣ любовь учащейся молодежи и вниманіе развивавшагося общественнаго мнѣнія. Имена ихъ становились рядомъ по благородству направленій. И, когда Грановскій преждевременно сошелъ въ могилу, Петръ Николаевичъ, по всѣмъ правамъ, заступилъ его мѣсто въ университетѣ и въ сердцахъ слушателей: онъ достойно держалъ кафедру на высотѣ, поставленной покойнымъ профессоромъ, его наставникомъ, товарищемъ и другомъ. Учащаяся молодежь никого такъ не любила, какъ этихъ двухъ преподавателей исторіи, потому что видѣла въ ихъ обращеніи благосклонность къ себѣ и искреннее желаніе пользы. И Кудрявцевъ и Грановскій допускали къ себѣ студентовъ по воскресеньямъ, бесѣдовали съ ними о новыхъ сочиненіяхъ по предмету исторіи и даже снабжали ихъ книгами изъ своихъ библіотекъ. Другіе профессора, тоже достойные во всѣхъ отношеніяхъ, осуждали такой обычай, находя, что онъ отнимаетъ у нихъ время, нужное для ихъ собственныхъ трудовъ или отдыха, и притомъ слишкомъ сближаетъ учащихся и учащихся, даетъ послѣднимъ поблажку въ обращеніи. Можетъ статься, и есть въ этихъ словахъ извѣстная доля правды, но когда вспомнишь, что вслѣдъ за Грановскимъ занимали кафедру исторіи такія лица, какъ Кудрявцевъ, Ешевскій, Герье, то отнесешься къ принятому обычаю съ великимъ уваженіемъ и благодарностью.

Стойкость убѣжденій соединялась въ немъ съ удивительнымъ благодушiемъ. Въ немъ не было ни малѣйшаго упрямства или грубости, которымъ часто подвержены личности прямыя и честныя, но въ то же время непрiятно отталкивающiя отъ себя манерами своего обхожденiя, какъ бы изъ желанiя выказать себя Катонами. Петръ Николаевичъ отъ природы чуждался такого катонства: онъ былъ образцомъ снисходительности въ кругу личныхъ отношенiй, отчего и пользовался не только горячей привязанностью своихъ единомышленниковъ, но и уваженiемъ тѣхъ, которые думали иначе. До какой степени доходила его гуманность по отношенiю къ личности, на какой бы ступени общества таковая ни стояла, можно судить по слѣдующему факту. Въ первый годъ своего супружества онъ проводилъ лѣто въ Останкинѣ, подмосковномъ имѣнии графа Шереметева. Однажды, послѣ вечерняго чая, бывшiе у него въ гостяхъ короткiе знакомые отправились гулять. Отошедши недалеко отъ дачи, супруга его вспомнила, что она забыла взять съ собою ключи отъ комода, въ которомъ хранились деньги и нѣкоторыя цѣнныя вещи. Не надѣясь на честность своей прислуги, она проситъ Петра Николаевича вернуться и принести ключи. «Какъ же, мой другъ, теперь это сдѣлать?»—возразилъ онъ:—«вѣдь это не ловко, совѣстно». Къ этимъ словамъ нечего прибавлять. Петръ Николаевичъ скорѣе согласился бы лишиться денегъ, чѣмъ оскорбить прислугу подозрѣнiемъ, можетъ быть, незаслуженнымъ.

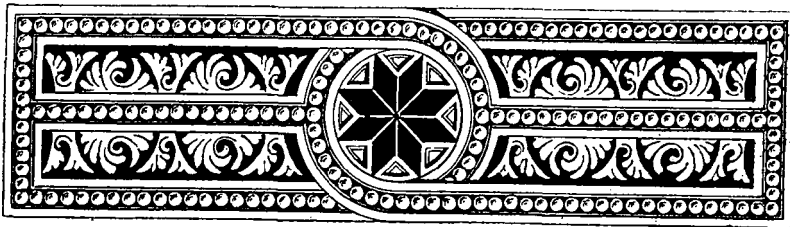
Во взглядѣ Петра Николаевича на мироустройство проглядывалъ пессимизмъ. Онъ часто видѣлъ въ жизни дѣйствiе слѣпаго случая, безсмысленныхъ силъ, губящихъ человѣка безъ надежды на исцѣленiе. Ужасная болѣзнь жены и неожиданная смерть ея во цвѣтѣ лѣтъ поразила его. Онъ спрашиваетъ себя въ недоумѣнiи: «что это такое—слѣпой случай или наказанiе, имѣющее какой либо смыслъ? Если это неразумная сила, то откуда въ ней столько разсчитанной жестокости? а если она разумна, то какъ можетъ быть столько жестокою?»... И затѣмъ прибавляетъ: «Намъ ли хотѣтъ обманывать себя? Дѣти ли мы, чтобъ закрывать себѣ глаза на наши прирожденные немощи и на законы, надъ нами господствующiе? Испытавши на дѣлѣ ихъ неумолимость, опять ли тѣшить себя розовыми теорiями и на воздухѣ построенными мечтами?». Но еще прежде того, до своего несчастiя, онъ думалъ также, что доказывается слѣдующимъ мѣстомъ въ письмѣ къ одной изъ бывшихъ его ученицъ. Выразивъ желанiе себѣ быстрой смерти, не предшествуемой никакой злостной болѣзнью, онъ останавливается и говоритъ: «Куда зашелъ я! какъ будто все это въ нашей власти? какъ будто нѣтъ надъ нами судьбы, которая хотя и вовсе не дальновиднѣ насъ, видитъ впередъ менѣе нашего, однако по самой слѣпотѣ своей часто смѣшиваетъ насъ съ деревьями и кремнями и вовсе неожиданно даетъ намъ щелчки, отъ которыхъ не устояло бы и крѣпкое

дерево. Здѣсь упала она грозою и сожгла цѣлое селеніе; тамъ, на морѣ, разыгралась она бурей и потопила цѣлый корабль со всѣмъ его живымъ грузомъ, безъ разбора праведника отъ неправедника; тамъ промчалась язвою, тамъ пронеслась голодомъ, а вотъ, недавно еще, зашевелившись подъ землею, почти опрокинула вверхъ дномъ цѣлый городъ—людей наравнѣ съ домами. Неужели она пошутитъ надъ нимъ съ мыслью? Неужели съ мыслью истребила она Лиссабонъ, сгладила съ лица земли Помпею, залила Нидерланды и проч., и проч... Но, право, въ такой мысли я ровно ничего не смыслю... и молчу».

А. Галаховъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ¹⁾.

VII.

ИЗЪ ВСЕГО персонала московскихъ профессоровъ и литераторовъ ни съ кѣмъ нельзя было такъ легко познакомиться, какъ съ Михаиломъ Петровичемъ Погодинымъ. Это зависѣло отъ его общительности и простоты обращенія, чуждаго какихъ либо церемоній. Могло статься, что въ этомъ свойствѣ отражалась и сущность сословія, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію и которому невѣдомы осторожность и раздумье при завязываніи знакомствъ. Другое похвальное свойство Погодина выказывалось въ отношеніяхъ къ лицамъ, вышшимъ его по какому либо значенію: онъ обращался съ ними безъ боязни, говорилъ свободно, не понижая голоса, даже часто разнорѣчиво съ ними въ обсужденіи какихъ либо вопросовъ. И. И. Давыдовъ изумлялся такой отвагѣ, особенно въ то время, когда онъ вмѣстѣ съ другими лицами (въ числѣ которыхъ находился и Михаилъ Петровичъ) гостилъ у графа Уварова въ его Тускулумѣ, то есть селѣ Порѣчье: «Я не позволю себѣ,—говорилъ онъ,—обращаться такъ развязно съ лицомъ, выше меня стоящимъ: какъ я могу забыть, что это лицо — министръ и мой начальникъ?» Такъ разсуждалъ выдающійся профессоръ, имѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 126.

ввій уже генеральскій чинъ и звѣаду. У него и на мѣдной доскѣ, прибитой ко входной двери, было вырѣзано: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Давыдовъ.

Съ такимъ-то общедоступнымъ человѣкомъ, какъ Погодинъ, я познакомился въ первый годъ издававшагося имъ «Московского Вѣстника» (1827 г.). Я отъѣвился къ нему съ небольшою статьей (подъ названіемъ «Четыре возраста естественной исторіи»), чуждой содержанія, т. е. научнаго интереса, но написанной не дурнымъ стилемъ, подъ вліяніемъ такъ называвшейся «павловщины», т. е. лекцій М. Г. Павлова, любимаго профессора, въ физико-математическомъ факультетѣ. Въ это же время я увидѣлъ и С. П. Шевырева, вмѣстѣ съ Погодинымъ жившаго и работавшаго для журнала.

Второй визитъ Погодину былъ сдѣланъ лѣтъ черезъ пять послѣ перваго, въ 1831 или 1832 году. Въ это время онъ жилъ на Мясницкой улицѣ, въ собственномъ домѣ, купленномъ у князя Тюфякина. Домъ перестраивался или обновлялся по указанію новаго владѣльца, къ которому ввели меня по накладнымъ доскамъ въ верхній этажъ: здѣсь онъ сидѣлъ въ небольшой комнатѣ, за маленькимъ столомъ, оглушаемый стукомъ плотничьихъ топоровъ и крикомъ рабочихъ. Разговоръ нашъ по поводу изданія альманаха «Сиротка» (1831 г.) въ пользу малолѣтнихъ, оставшихся безъ пріюта по смерти ихъ родителей отъ холеры и помѣщенныхъ на время въ домъ князя Павла Павловича Гагарина, безпрестанно прерывался появленіемъ рыжаго мужика, можетъ быть, подрядчика. «Что тебѣ надобно?»—спрашивалъ Погодинъ.—Пожалуйте гвоздей: всѣ вышли.—«Какихъ тебѣ нужно: большихъ или среднихъ?»—И тѣхъ и другихъ.—«По сколько?»—По столько-то. И Михаилъ Петровичъ, нисколько не смущаясь, въ самомъ веселомъ и добромъ расположеніи духа, выдвигалъ ящикъ своего рабочаго стола и отсчитывалъ требуемое число гвоздей. Тутъ я замѣтилъ, что на его мѣстѣ я бы не сталъ довѣряться подрядчику, помня пословицу: «красный—человѣкъ опасный».—«Нѣтъ, не беспокойтесь: я хорошо знакомъ съ простымъ народомъ и по физіономіи тотчасъ отличу плута отъ надежнаго, совѣстливаго малаго. Мой подрядчикъ въ числѣ втораго рязяда».

Такою способностью совмѣщать двѣ совершенно разнородныя вещи: выдачу гвоздей плотникамъ и изложеніе на бумагѣ своихъ мыслей, нѣкоторые, шутки ради, объясняли происхожденіе излюбленныхъ Погодинымъ афоризмовъ. Въ самомъ дѣлѣ, часто отрываемый отъ письма приходомъ подрядчика, онъ былъ вынужденъ ставить точки тамъ, гдѣ фраза еще не оканчивалась: отсюда крайне несвязная рѣчь, совершенно противоположная періодическому строю. Но это не афоризмы, которые выражаютъ извѣстныя мысли, хотя и въ немногихъ словахъ, но ясно, опредѣленно и связано. У Ми-

хаила Петровича не то: у него, сплошь и рядомъ, предложенія обходятся безъ подлежащихъ и сказуемыхъ и, однако-жъ, каждое замыкаются точкой. Это скорѣе—лаконизмы, оригинальные по своему строю, выходящія за предѣлы надлежащей краткости. Вотъ нѣсколько образчиковъ: «Извѣстіе о болѣзни батюшки. Туда. Умеръ» (т. е. получилъ извѣстіе о болѣзни отца. Надобно ѣхать къ нему, но уже поздно: батюшка уже скончался). «Въ университетъ. Съ Кубаревымъ мимо Снегирева. Всѣ гусемъ къ Уварову». «Скучная лекція. Хандра. Для разсѣянія къ Аксаковымъ. Анекдоты Пушкина о Павлѣ и Суворовѣ. Въ бостонъ»¹⁾). Читателей поражала такая форма и давала поводъ къ пародіямъ. Наиболѣе удачная вышла подъ псевдонимомъ Ведрина (Герцена). Графъ Строгоновъ, прочитавъ ее, замѣтилъ: «Будьте увѣрены, господа, что Михаилъ Петровичъ сочтетъ ее своимъ собственнымъ произведеніемъ». Въ похвалу Погодину необходимо прибавить, что онъ не сердился на подобныя выходки и даже смѣялся, если пародія выходила забавною. Но отзывы о книгѣ: «Годъ въ чужихъ краяхъ» (1844), огорчили его. Одинъ изъ нихъ, написанный Н. А. Полевымъ, помѣщенъ въ петербургскомъ журналѣ, въ какомъ именно не припомню; другой, явившійся въ «Отечественныхъ Запискахъ»²⁾, принадлежитъ мнѣ. Каюсь искренно и сильно въ этомъ проступкѣ. Что дѣлать? Тогда онъ считался дѣломъ похвальнымъ, обязательнымъ, услугою извѣстному направленію. Всею виною литературная партія. Погодинъ, видите ли, принадлежалъ къ славянофиламъ, а сотрудники «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ я постоянно участвовалъ, къ западникамъ: отсюда гнѣвъ и немилость. Погодинъ принесъ на лекцію обѣ статьи. Онъ началъ ее изложеніемъ своихъ трудовъ по исторіи, литературѣ, изданію журналовъ, и затѣмъ прочелъ наиболѣе выдающіяся мѣста рецензій, гдѣ онъ подвергался глумленію. Чтеніе закончилось такимъ выводомъ: «Вотъ, милостивые государи, что я выслужилъ за мои многолѣтніе труды! Вотъ какъ у насъ награждается честная, добросовѣстная дѣятельность!»

Приведу остроумную замѣтку Хомякова объ одномъ разсказѣ Погодина изъ его заграничной поѣздки. Приѣхавъ на какую-то станцію съ своей супругой, путешественникъ заказалъ выпускную яичницу и жареную курицу. Онъ думалъ, что остановка будетъ такая же продолжительная, какъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Вдругъ раздается звонокъ. Яичница была уже скушана, а курица осталась до слѣдующей остановки. Обо всемъ этомъ Михаилъ Петровичъ счелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія читателей. При свиданіи съ нимъ Хомяковъ началъ пенять ему: «Какъ тебѣ не совѣстно, любезный другъ, потчивать публику такими пустяками!

¹⁾ Жизнь и труды М. П. Погодина.

²⁾ 1844 года, № 9.

Какой интересъ въ томъ, что вы скушали выпускную яичницу, а жареную курицу взяли съ собой? Вотъ если бы вы курицу скушали, а выпускную яичницу взяли съ собой, это другое дѣло, этимъ слѣдовало бы подѣлиться съ публикой».

Погодинъ принадлежалъ къ разряду людей неробкихъ. Отважность свою онъ, между прочимъ, доказалъ вызовомъ Костомарова на ратоборство по вопросу о происхожденіи Руси, для чего и пріѣхалъ въ Петербургъ. Извѣстно, что въ своей магистерской диссертациі (1825) Погодинъ ведетъ Русь отъ племени норманскаго, обитавшаго въ нынѣшней Швеціи. Костомаровъ, черезъ 35 лѣтъ, именно 1860 года, въ брошюрѣ «Начало Руси», доказываетъ, напротивъ, что славяне призвали князей изъ Руси литовской (иначе Жмуди, жившей на берегу рѣки Руси). Рѣшаясь на состязаніе, Погодинъ, разумѣется, не могъ льстить себя надеждой на успѣхъ: онъ зналъ, что Костомаровъ пользуется особенною любовью своихъ слушателей, которые не дадутъ его въ обиду, а поддержать его своимъ сочувствіемъ и аплодисментами. Зрѣлище вышло интересное и знаменательное, усложненное особыми обстоятельствами того времени (т. е. польскими волненіями).

Ареною для состязанія отведена была огромная зала въ университетѣ. Поставили въ ней двѣ каеэды, одну противъ другой, чтобы ратоборцы могли ясно слышать обоюдныя возраженія и опроверженія. Зрителей ожидалось не мало, почему П. В. Анненковъ и я поторопились приходомъ и заняли очень удобныя мѣста на первой скамьѣ, у самой каеэды, назначенной для Погодина. Третьимъ присоединился къ намъ И. И. Срезневскій. Вотъ какъ отлично устроились!—подумали мы:—будемъ лицезрѣть Погодина, хотя не en face, а въ профиль, ни одного словечка его не проронимъ и, кромѣ того, въ случаѣ какого либо казуса, найдемъ покровительство въ нашемъ сосѣдѣ, профессорѣ. Но надежда наша оказалась преждевременной. Едва мы успѣлись, какъ человѣкъ двѣнадцать студентовъ, рослыхъ и бравыхъ юношей, по два въ рядъ промаршировали къ каеэдрѣ и расположились у ней съ трехъ сторонъ, такъ что мы могли только слышать Погодина, но не видѣть его. Другая дюжина студентовъ точно также расположилась у каеэды Костомарова.

Во время диспута обнаружилось, что обѣ дюжины имѣли своимъ назначеніемъ подавать сигналы товарищамъ, помѣстившимся на хорахъ, когда и кому именно надлежало рукоплескать или шикать. Случалось, что вѣстовые, не разслышавъ или не понявъ, о чемъ идетъ дѣло, давали сигналы не впопадъ, и затѣмъ били отбой. Это смѣшило зрителей, невольно вспомилавшихъ поговорку: *ordre, contre-ordre, désordre*.

Въ числѣ лицъ, пришедшихъ на диспутъ, было немало поляковъ, которымъ, конечно, было лестно удостовѣриться, что наши первые правители были литовцы.

На третьей или четвертой скамьѣ сидѣли два офицера генеральнаго штаба, польскаго происхожденія. Одинъ изъ нихъ (С.....) съ бумагой въ рукѣ тщательно записывалъ ходъ диспута, чтобы потомъ, въ газетномъ фельетонѣ, пробить въ набатъ побѣду, одержанную Костомаровымъ. Впрочемъ, послѣднему доброжелательствовали не одни поляки и малороссы, но и великороссы. Профессору Казанскаго университета г. Буличу, находившемуся въ это время въ Петербургѣ, пришлось сидѣть рядомъ съ однимъ почтенныхъ лѣтъ помѣщикомъ, который до того увлекся симпатіей къ Костомарову, что, не стѣсняясь, въ слухъ выражалъ ему одобреніе, а противнику его порицаніе. Когда Погодинъ прервалъ объясненія Костомарова какимъ-то замѣчаніемъ, помѣщикъ не вытерпѣлъ и, обращаясь къ каедрѣ Погодина, заговорилъ: «ты погоди отвѣчать; ты прежде выслушай возраженія».

Чѣмъ же кончился диспутъ?... Къ намъ подошелъ князь П. А. Вяземскій съ слѣдующимъ остроумнымъ замѣчаніемъ: «говорятъ, что мы прогрессируемъ въ наукѣ, но едва ли это справедливо; сегодняшній диспутъ доказываетъ противное: прежде мы хоть не знали, куда идемъ, но за то знали, откуда идемъ; а теперь не знаемъ ни того, ни другаго».

Кромѣ того, въ одномъ изъ сатирическихъ изданій явилась забавная карриатура, какъ бы выражающая результатъ пренія: подъ портретами трехъ князей: Рюрика, Синеуса и Трувора, красуется подпись: «не помнящіе родства». Наконецъ, въ газетѣ «Голосъ», помнится, г. Бергольцъ доказалъ всю несостоятельность лингвистическихъ доводовъ Костомарова въ пользу мнѣнія о призваніи славянами князей изъ Руси литовской.

VIII.

Нѣсколько лѣтъ сряду вакаціонное время (три мѣсяца) проводилъ я въ одной изъ прекрасныхъ окрестностей Москвы—въ селѣ Покровскомъ, принадлежавшемъ Глѣбову-Стрѣшневу, который и самъ переѣзжалъ сюда изъ города на четыре-пять мѣсяцевъ. Рядомъ съ нашей дачей помѣщалось почтенное, всѣми уважаемое семейство Сергѣя Михайловича Соловьева, профессора русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Воспоминаніе о знакомствѣ и бесѣдахъ съ нимъ доставляетъ мнѣ и теперь душевную радость, омрачаемую печальною мыслію о томъ, что это было, а теперь этого нѣтъ.

Я былъ знакомъ съ отцемъ Сергѣя Михайловича, священникомъ въ московскомъ коммерческомъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ Законъ Божій. Изъ разговоровъ съ этимъ образованнымъ и добрѣйшимъ служителемъ церкви я узналъ много интересныхъ фактовъ объ отношеніяхъ бѣлаго духовенства къ своему началь-

ству, трудно совмѣстимыхъ съ истиннымъ гуманизмомъ и естественно возбуждавшихъ неудовольствіе и тайный ропотъ. Впослѣдствіи сынъ его подтвердилъ справедливость разсказовъ и сѣтований своего отца.

По трудолюбію, неизмѣнности въ распредѣленіи времени для своихъ работъ и точности ихъ исполненія, Сергѣй Михайловичъ могъ служить образцомъ. Всѣ удивлялись ему, но никто не могъ сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Отсутствие аккуратности, постоянства въ дѣлахъ, было въ большинствѣ случаевъ Ахиллесовой пяткой москвича; у него же, сказать безъ преувеличенія, ни минуты не пропадало напрасно. Вотъ какъ онъ проводилъ шесть рабочихъ дней въ недѣлю. Въ восемь часовъ утра, еще до чаю, онъ отправлялся иногда одинъ, но большею частію съ супругой, черезъ помѣщичій садъ въ рошу, по такъ называемой Елизаветинской дорожкѣ, въ концѣ которой стояла скамейка. Онъ садился на эту скамейку, вынималъ изъ кармана нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», доставленный ему наканунѣ, но не прочитанный тотчасъ по доставкѣ, такъ какъ это чтеніе оторвало бы его отъ болѣе серьезнаго занятія: чтеніе газеты, какъ легкое дѣло, соединялъ онъ съ прогулкой, дѣломъ пріятнымъ. Обратный путь совершался по той же дорожкѣ. Ровно въ 9 часовъ онъ пилъ чай, а затѣмъ отправлялся въ мезонинъ, гдѣ и запирался въ своемъ кабинетѣ: именно запирался, погружаясь въ работу до завтрака, а послѣ завтрака до обѣда. Никто въ эти часы не беспокоилъ его, входъ воспрещался всѣмъ безъ исключенія. Близкіе его знакомые нерѣдко удивлялись такому ригоризму, даже подсмѣивались надъ нимъ. Иногда они спрашивали дочку его (въ то время шестилѣтнюю): «Вѣрочка, сколько разъ ты была у папаши въ кабинетѣ?» — Ни разу, — отвѣчала она. — Конечно, очень не много такихъ отцовъ, которые запретили бы дѣтямъ входить въ свою рабочую комнату, но, съ другой стороны, еще меньше такихъ, которые оставили бы послѣ себя двадцать девять томовъ отечественной исторіи и томовъ десять, если не болѣе, другихъ ученыхъ трудовъ.

Воскресный день былъ для нашего историка истинной субботой, то-есть «покоемъ». Утромъ онъ ходилъ къ обѣднѣ съ своимъ семействомъ, а затѣмъ освобождалъ себя отъ всякихъ занятій и проводилъ время въ кругу близкихъ людей, преимущественно товарищей по университету, пріѣзжавшихъ къ нему на обѣдъ и оставшихся до поздняго вечера. Почти каждое воскресенье бывали у него Ешевскій (жившій тоже нѣкоторое время въ Покровскомъ), Поповъ (Н. А.), Кетчеръ, Коршъ (В. Ѳ.), Дмитріевъ, Забѣлинъ, Аванасьевъ и многіе другіе. Иногда навѣщали его пріѣзжіе изъ Петербурга, напримѣръ, К. Д. Кавелинъ. Всѣ и всегда находились въ самомъ пріятномъ, веселомъ расположеніи духа. Говоръ и хохотъ почти не умолкали. Самъ хозяинъ подавалъ примѣръ своимъ

искреннимъ, задушевымъ, почти-что дѣтскимъ смѣхомъ, который былъ свойственъ москвичамъ того времени, но котораго теперь — увы! — не услышишь не только среди людей пожилыхъ и степенныхъ, но даже въ кругу безбородыхъ юношей. А если завязывался споръ, то ужъ это былъ споръ на славу — громкій, жаркій и продолжительный.

Кромѣ занятій по капитальной своей работѣ (исторіи), Соловьевъ сотрудничалъ въ двухъ петербургскихъ журналахъ: «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ». Гонораръ за статьи служилъ ему добавочнымъ, или, какъ онъ говорилъ, прибавкой на кашу. Писалъ онъ эти статьи по вторникамъ (для «Отечественныхъ Записокъ») и пятницамъ (для «Современника»), отъ такого-то часа до такого-то. Но, какъ только наступитъ положенный предѣлъ работъ, онъ, не смотря ни на что, бросалъ ее, хотя бы не дописалъ начатой фразы, не перенесъ половины слова изъ одной строки въ другую. Можетъ быть, это и выдуманно, или преувеличено шутки ради; но вѣдь только такую точностью и доводятъ дѣло до желаемого, благополучнаго конца.

Въ университетѣ Соловьевъ держалъ себя самостоятельно и неизмѣнно, основываясь въ своихъ дѣйствіяхъ на извѣстномъ принципѣ. Онъ, конечно, принадлежалъ къ партіи Грановскаго, но вполне сохранилъ свою независимость, и въ нѣкоторыхъ пунктахъ расходился съ нимъ, напримѣръ, въ понятіи объ отношеніяхъ профессора къ его слушателямъ: онъ не допускалъ сближенія съ студентами, а держалъ ихъ въ извѣстномъ отъ себя разстояніи. Профессоръ, говаривалъ онъ, обязанъ приносить пользу единственно своими лекціями въ аудиторіи, а не бесѣдами на дому: послѣднія отнимаютъ только время, нужное ему для лучшаго приготовления первыхъ и для необходимаго отдыха въ семействѣ. Замѣчено при томъ, что этотъ обычай посѣщенія влечетъ за собою нежелаемыя послѣдствія съ обѣихъ сторонъ: многіе студенты являются не съ цѣлію пріобрѣсти какія либо новыя свѣдѣнія, а ради пріятнаго пропровожденія времени — поболтать о чемъ нибудь, покурить, посмотреть на житье-бытье своего наставника; а со стороны наставника возникаетъ покушеніе привлечь къ себѣ молодежь, быть ея любимцемъ, сдѣлаться популярнымъ. Если студенту нужно спросить у меня что нибудь, я къ его услугамъ въ университетѣ по окончаніи лекціи. Поэтому Соловьевъ осуждалъ Грановскаго и еще больше Кавелина, не державшихся такого мнѣнія, хотя былъ съ обоими ¹⁾ въ очень хорошихъ отношеніяхъ. На Кавелина смотрѣлъ онъ, какъ на «предвѣчнаго младенца» (прозвище, данное ему Грановскимъ), признавалъ въ немъ большіе таланты, но въ то же время осуждалъ неустойчивость его мнѣній и по-

¹⁾ Съ послѣднимъ до студенческихъ исторій въ началѣ 60-хъ годовъ.

ступковъ, объясняя ее врожденнымъ легкомысліемъ, а внѣшнимъ знакомъ этого легкомыслія считалъ вьющіеся волосы: «курчавые», — говорилъ онъ смѣясь, — «всѣ безъ исключенія легкомысленны».

IX.

Припомню нѣсколько моихъ свиданій съ Гоголемъ. Первое относится къ тому времени, когда вслѣдъ за «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки» явились «Арабески» и «Миргородъ». Авторъ ихъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ у него уже было немало почитателей. Въ числѣ ихъ, кромѣ Погодина и семейства Аксаковыхъ, состоялъ и короткій ихъ знакомый, А. О. Армфельдъ, профессоръ судебной медицины и въ то же время инспекторъ классовъ въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ, гдѣ я преподавалъ исторію русской словесности. Онъ пригласилъ на обѣдъ близкихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и меня, жаждавшихъ лицезрѣть новое свѣтило нашей литературы. Обѣдомъ не торопились, зная обычай Гоголя запаздывать, но потомъ, потерявъ надежду на его прибытіе, сѣли за столъ. При второмъ блюдѣ явился Гоголь, видимо смущенный, что заставилъ себя долго ждать. Онъ сидѣлъ серьезный и сдержанный, какъ будто дичился, встрѣтивъ двѣ-три незнакомыхъ личности. Но когда зашла рѣчь о повѣсти Основьяненки (Квитки) «Панъ Халявскій», напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ», тогда и онъ скромно вставилъ свое сужденіе. Соглашаясь съ замѣчаніемъ, что въ главномъ лицѣ (Халявскомъ) есть преувеличенія, доходящія до каррикатуры, онъ старался, однако-жъ, умалить этотъ недостатокъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ казалось, что онъ въ невыгодномъ отзывѣ о Квиткѣ видѣлъ какъ бы козвенную похвалу себѣ, намѣреніе возвеличить его собственный талантъ. Вообще онъ говорилъ очень умно и держалъ себя отлично, не въ примѣръ другимъ случаямъ.

Вторая встрѣча устроилась въ томъ же домѣ. Хозяинъ (Армфельдъ) игралъ въ карты съ С. Т. Аксаковымъ, а Гоголь, обѣдавшій съ ними, спалъ на кровати. Проснувшись, онъ вышелъ изъ-подъ полога, и я былъ представленъ ему, какъ искренній поклонникъ его таланта, знакомившій институтокъ съ его сочиненіями, которыя читались мною по вечерамъ въ квартирѣ начальницы, разумѣется, съ исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, не подлежащихъ вѣдѣнію дѣвицъ. Гоголь, бывшій въ хорошемъ расположеніи духа, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, смѣясь: «Не слушайте вашего инспектора, читайте все сплошь и рядомъ, не пропускайте ничего». — «Какъ это можно?» — возразилъ Армфельдъ: — «всему есть вѣсь и мѣра». — «Да не все ли равно? Вѣдь дивчата прочтутъ же тайкомъ, втихомолку».

Третій разъ сошелся я съ нимъ въ Москвѣ же, въ книжной лавкѣ Базунова, бывшей Ширяева. Онъ просилъ показать ему вышедшія въ его отсутствіе ¹⁾ литературныя новинки. Базуновъ выложилъ на прилавокъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ и новое изданіе моей «Русской Христоматіи», въ трехъ книгахъ, изъ которыхъ послѣдняя, подъ названіемъ «примѣчаній», заключала въ себѣ біографическія свѣдѣнія о важнѣйшихъ писателяхъ и оцѣнку ихъ дѣятельности. Гоголь, разумѣется, былъ превознесенъ выше облака ходячаго, но и онъ польстилъ мнѣ, когда въ число отобранныхъ имъ книгъ включилъ и мой учебникъ.

Четвертое и послѣднее свиданіе было во время лѣтней вакаціи, не помню какого года. Краевскій пріѣхалъ на побывку въ Москву и остановился у В. П. Боткина. Каждое утро я отправлялся къ нимъ на чаепитіе и веселую бесѣду. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ неожиданно является Гоголь, по возвратѣ изъ чужихъ краевъ—какихъ именно, тоже не помню. Я нѣсколько сконфузился, вспомнивъ мое письмо къ нему, написанное по поводу предисловія его ко второму изданію перваго тома «Мертвыхъ душъ» и напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1847 года ²⁾. Гоголь на мой взглядъ измѣнился: похудѣлъ, сталъ серьезнѣе, сдержаннѣй, не выказывая никакихъ причудъ или капризовъ, какъ это имъ дѣлалось нерѣдко въ другихъ болѣе знакомыхъ домахъ. Боткинъ предложилъ гдѣ бы нибудь сообща пообѣдать. Гоголь охотно согласился: чего же лучше,—прибавилъ онъ,—какъ не въ гостиницѣ Яра, близъ Петровскаго парка? Такимъ образомъ мы провели время вчетверомъ очень пріятно, благодаря прекрасной погодѣ и повеселѣвшему дорожному гостю. За обѣдомъ онъ разговорился и даже шутилъ. Когда на закуску была подана вмѣсто рѣдски старая рѣдка, онъ позвалъ слугу и спросилъ его: что это такое? — Рѣдиска,—отвѣчалъ слуга.—Нѣтъ, мой другъ, это не рѣдиска, а рѣдище, точно такъ же, какъ ты не осленокъ, а ослище.

Съ этихъ поръ и до самой его кончины мнѣ не удалось съ нимъ встрѣчаться. Въ послѣдній пріѣздъ его въ Москву онъ жилъ въ домѣ графа Толстаго, его пріятеля и одномысленника, гдѣ и заболѣлъ. Болѣзнь сначала казалась неважною; по крайней мѣрѣ, никто не ожидалъ, что она окончится смертію. Многіе навѣщались о его положеніи и узнавали, что онъ держитъ строгій постъ, кушаетъ только просфоры съ краснымъ виномъ, не принимаетъ никакихъ лѣкарствъ. Къ этимъ причинамъ тѣлеснаго разстройства присоединились внутреннія, моральныя вліянія: отреченіе отъ прежней своей дѣятельности, дошедшее до намѣренія сжечь рукопись втораго тома «Мертвыхъ душъ», пренебреженіе жизнію,

¹⁾ Гдѣ онъ былъ передъ этимъ временемъ, не припомню.

²⁾ Февраль, отдѣлъ критики, т. 50.

ничѣмъ необъяснимое самоистязаніе... короче, мракъ и тайна облекали его судьбу. Неожиданная скоротечность гибели поразила его почитателей. На панихидахъ по немъ возбуждались не одни горестныя, но и мрачныя чувства. Ходилъ слухъ, что незадолго до смерти Гоголя Шевыревъ на колѣняхъ умолялъ его принять лѣкарство. Гоголь, не отвѣчая, повернулся къ нему спиной, а къ стѣнкѣ лицомъ. Тогда Шевыревъ не выдержалъ и громко сказалъ ему: «упрямымъ хохломъ ты жилъ, упрямымъ хохломъ и умрешь».

Заклѣчу двумя анекдотическими разсказами, слышанными отъ достовѣрныхъ личностей.

Самыя образованныя семейства, жившія въ Москвѣ, интересовались нашимъ великимъ юмористомъ, цѣнили его талантъ и входили съ нимъ въ близкія отношенія. Таковы были семейства С. Т. Аксакова и А. П. Елагиной, матери Кирѣевскихъ, великой поклонницы нѣмецкой поэзіи. Въ одинъ изъ своихъ визитовъ Гоголь засталъ ее за книгой. — «Что вы читаете?» — спросилъ онъ. — «Балладу Шиллера «Кассандра»». — «Ахъ, прочтите мнѣ что нибудь, я такъ люблю этого автора». — «Съ удовольствіемъ» — и Гоголь внимательно выслушалъ «Жалобу Цереры» и «Торжество побѣдителей». Вскорѣ послѣ того онъ уѣхалъ за границу, гдѣ и пробылъ не малое время. Возвратясь, онъ явился къ Елагиной и засталъ ее опять за Шиллеромъ. Выслушавъ разсказъ о его путешествіи и заграничной жизни, она обращается къ нему съ предложеніемъ прочесть что нибудь изъ Шиллера: «Вѣдь вы такъ любите его». — «Кто? я? Господь съ вами, Авдотья Петровна: да я ни бельмеса не знаю понѣмецки; ваше чтеніе будетъ не въ коня кормъ». Любопытно бы знать, для чего притворялся или просто лгалъ человекъ.

А вотъ второй пассажъ, разсказанный мнѣ Щепкинымъ, нашимъ геніальнымъ комикомъ, боготворившимъ автора «Ревизора». Гоголь жилъ у Погодина, занимаясь, какъ онъ говорилъ, вторымъ томомъ «Мертвыхъ душъ». Щепкинъ почти ежедневно отправлялся на бесѣду съ нимъ (вѣдь они оба были хохлы). Разъ, — говоритъ онъ, — прихожу къ нему и вижу, что онъ сидитъ за письменнымъ столомъ такой веселый. — «Какъ ваше здравіе? Замѣтно, что вы въ хорошемъ расположеніи духа». — «Ты угадалъ; поздравь меня: кончилъ работу». Щепкинъ отъ удовольствія чуть не пустился въ плясъ и на всѣ лады началъ поздравлять автора. Прощаясь, Гоголь спрашиваетъ Щепкина: «Ты гдѣ сегодня обѣдаешь?» — «У Аксаковыхъ». — «Прекрасно: и я тамъ же». Когда они сошлись въ домѣ Аксакова, Щепкинъ, передъ обѣдомъ, обращаясь къ присутствовавшимъ, говоритъ: «Поздравьте Николая Васильевича». — «Съ чѣмъ?» — «Онъ кончилъ вторую часть «Мертвыхъ душъ». Гоголь вдругъ вскакиваетъ: «Что за вздоръ! отъ кого ты это слышалъ?» — Щепкинъ пришелъ въ изумленіе: «Да отъ васъ самихъ; сегодня

утромъ вы мнѣ сказали». — «Что ты, любезный, перекрестись: ты, вѣрно, бѣлены объѣлся или видѣлъ во снѣ».

Снова спрашивается: чего ради солгалъ человѣкъ? зачѣмъ отперся отъ своихъ собственныхъ словъ?

Х.

Если справедливы слова Фамусова, что «на всѣхъ московскихъ есть особый отпечатокъ», то объ Кетчерѣ (Николаѣ Христофоровичѣ) слѣдуетъ сказать, что изъ всѣхъ жителей древней столицы онъ выдавался попреимуществу, былъ архимосквичемъ, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому слову Фамусовъ. Только въ Москвѣ жилось Кетчеру привольно, только здѣсь онъ чувствовалъ себя какъ дома. Къ Петербургу не лежало у него сердце, да и не могло лежать по его темпераменту и душевному складу, капитальная особенность котораго состояла въ пренебреженіи внѣшняго, формальнаго, и въ уваженіи внутренняго, существеннаго. Этикетъ, условныя приличія, благовидные предлоги (то-есть благіе только по виду, а не по существу) возмущали Кетчера, потому что напрасно стѣсняли естественное, свободное проявленіе жизни въ дѣйствіяхъ, чувствахъ и образѣ мыслей. Чему не учить насъ природа, — говаривалъ онъ, — тому и не слѣдуетъ приносить ее въ жертву. Кетчеру и на мысль не приходило покушеніе «казаться» не тѣмъ, чѣмъ онъ «былъ» на самомъ дѣлѣ. Онъ всегда и неизмѣнно являлся самимъ собою, и въ этомъ смыслѣ былъ вполне наивнымъ субъектомъ. Притворство, скрытность, желаніе маскироваться, виланіе хвостомъ и нашимъ и вашимъ, находили въ немъ непримиримаго обличителя и преслѣдователя. Правдолюбие, откровенность, доброта — вотъ тѣ капитальныя особенности, которыми онъ привлекалъ къ себѣ честныхъ и благомыслящихъ людей. Ими объясняется его оригинальность, иногда пугавшая тѣхъ, кто его не зналъ, или зналъ мало.

И по внѣшности Николай Христофоровичъ отличался отъ другихъ. Онъ плохо заботился о своемъ туалетѣ и костюмѣ, какъ бы желая, чтобы его встрѣчали и провожали не по платью.

Я познакомился съ нимъ вскорѣ по окончаніи имъ курса въ медико-хирургической академіи. Его плащъ, или потогдашнему альмавива, не походилъ на плащъ Гарольда (упоминаемый въ первой книгѣ Евгенія Онѣгина): верхъ его былъ зеленый, а подкладка алая, подобно тому, въ какомъ являлся горный духъ волшебному стрѣлку (въ оперѣ Вебера), почему мы и прозвали его асмодеемъ. Смѣхъ его походилъ на грохотъ, изумлявшій присутствующихъ, хотя и напрасно: смѣяться не грѣшно надъ тѣмъ, что есть смѣшно; во всякомъ случаѣ онъ искреннѣе, слѣдовательно лучше, сдержаннаго хихиканья или кислой, вялой улыбки. Онъ

говорилъ своимъ близкимъ знакомымъ ты, а не вы, потому что первое слово естественнѣй и сердечнѣй: въ спорахъ часто оставливалъ противника восклицаніями вздоръ, врешь, минуя личности и смягченія, въ родѣ: извините, это, кажется, неправда. Къ чему оговорка кажется, когда дѣло ясно, какъ день, и для чего извиняться въ томъ, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшей вины? Мнѣнія свои Кетчеръ выражалъ безъ утайки, громко и точно, не прибѣгая къ ограниченіямъ и уклончивости. Онъ могъ ошибаться, но умышленно искажать то, что ему думалось и что онъ признавалъ истиной, онъ считалъ великою подлостью, тяжкимъ грѣхомъ.

Въ числѣ посѣтителей такъ называвшейся Литературной кофейной, Бажанова ¹⁾, нерѣдко встрѣчался молодой преподаватель исторіи, сынъ цырюльника Жданова. Изъ ложнаго стыда, возбуждаемаго въ немъ профессіей отца, онъ прибавилъ къ прозвищу частицу не, то-есть отрекся отъ своего родителя и сталъ Неждановъ. Такой пассажъ глубоко возмутить Кетчера, и онъ не давалъ прохода отщепенцу; при каждой съ нимъ встрѣчѣ, въ домѣ или на улицѣ, онъ во всеуслышаніе говорилъ ему: «Здравствуй, Ждановъ! здоровъ ли твой отецъ?» Съ другой стороны онъ не давалъ въ обиду никого—будь то знакомый или не знакомый, если находилъ, что противникъ его неправъ. Въ той же кофейной онъ спасъ театральнаго музыканта Щепина отъ непріятнаго столкновенія съ офицеромъ, вызвавшимъ его на дуэль: Кетчеръ вытолкалъ вонъ назойливаго бретера, не думая о томъ, что самъ могъ попасть въ непріятность. Много ли найдется ему подражателей?

Кругъ друзей и близко знакомыхъ Кетчера состоялъ изъ личностей, выдающихся благородною самостоятельностью и доброкачественнымъ образомъ мыслей. Это были западники, сторонники прогресса, либералы въ тогдашнемъ смыслѣ слова. Чего они желали? Уничтоженія крѣпостнаго права, распространенія образованія, судебной реформы, облегченія цензуры, а не того, къ чему потомъ стремились нигилисты. Крайности были имъ не по сердцу. Грановскій и Кетчеръ, бывшіе друзьями Герцена, повернулись къ нему спиной, когда онъ сталъ издавать «Колоколъ». На обѣдѣ въ Благородномъ Собраніи (1858 г.) Кетчеръ послѣ снѣха о реформахъ, съ бокаломъ въ рукѣ, на колѣняхъ передъ портретомъ Царя-Освободителя, пилъ за его здоровье и благоденствіе ²⁾. Центромъ дружескаго круга, въ которомъ вращался Кетчеръ, былъ Т. Н. Грановскій. На немъ и на артистѣ М. С. Щепкинѣ преимущественно высказывалась его сердечность: онъ радовался ихъ

¹⁾ Въ Москвѣ, посади Охотнаго ряда, рядомъ съ бывшимъ трактиромъ Печкина.

²⁾ Сборникъ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ, стр. 142.

успѣхамъ и печалился ихъ невзгодами. Въ его беззавѣтной привязанности къ нимъ было истинно трогательное. Переживъ ихъ, онъ завѣщалъ похоронить его между ихъ могилами, какъ бы надѣясь не разлучаться съ ними и по смерти. Впрочемъ, не они одни, но и другіе той же категоріи пользовались его неизмѣнною привязанностью: онъ радѣлъ о нихъ искренно, былъ постояннымъ ихъ защитникомъ. Горе тому, кто покушался на ихъ честь какими либо дѣйствіями или словами.

Къ молодому поколѣнію (особенно учащимся) Кетчеръ относился съ сочувствіемъ, но съ неизмѣннымъ условіемъ, чтобы оно было исполнено чувствами, свойственными неиспорченному возрасту: правдивостью, честностью, стремленіемъ къ добру, любознаниемъ. Напротивъ, юноша съ наклонностью къ фальши, учащійся не изъ любви къ образованію, а ради виѣшней цѣли, напримѣръ, изъ желанія быстрой карьеры, признавался имъ погибшимъ и отвращалъ его сильнѣе, чѣмъ вполне испорченный взрослый субъектъ.

Какъ собесѣдникъ на дружескихъ обѣдахъ и другихъ пріятельскихъ сборищахъ, Кетчеръ былъ незамѣнимъ. Онъ не принадлежалъ къ числу гастрономовъ, напротивъ, былъ умѣренъ въ пищѣ, но когда дѣло доходило до угощенія шампанскимъ, его единственнымъ любимымъ напиткомъ, тогда онъ становился героемъ пира, единственнымъ распорядителемъ и исполнялъ свою роль неизмѣнно и неумолимо. Онъ самъ откупоривалъ бутылки, самъ наливалъ бокалы, не позволяя имъ оставаться пустыми. Никто не имѣлъ права уклоняться отъ нектара: волей-неволей каждый долженъ былъ пить. Напрасны были отнѣкиванія, извиненія, просьбы, всевозможные резоны: пей—и только. Врагъ всякихъ стѣсненій и запретовъ, Кетчеръ въ это время—только въ это—становился деспотомъ, подчасъ докучливымъ. И сколько бы ни было бутылокъ, всѣ онѣ должны были быть опорожненными; до того же времени никому не дозволялось выходить изъ-за стола¹⁾. Подивитесь при этомъ одному обстоятельству: всѣ болѣе или менѣе испытывали дѣйствіе вина; на одного Николая Христофоровича оно нисколько не дѣйствовало: онъ оставался трезвымъ. А вотъ другое еще болѣе удивительное обстоятельство: этотъ любитель шампанскаго, по случаю какихъ либо празднествъ, у себя дома не зналъ, что такое вино и водка; конечно, и то и другое у него имѣлось, но только для гостей.

¹⁾ Роль Кетчера въ подобныхъ случаяхъ вѣрно передана въ разсказѣ объ обѣдѣ на подмосковной дачѣ, гдѣ лѣтомъ жилъ Грановскій, къ которому наѣзжали изъ Москвы знакомые: «Одинъ изъ пріятелей, докторъ, ходитъ и подливаетъ всѣмъ, хохочетъ раскатистымъ смѣхомъ, страшнымъ для непривычнаго слуха, на всѣхъ кричать, всѣми командуешь, и всѣ его слушаются, и всѣмъ весело отъ выходокъ чудака» (Сборникъ Общ. люб. россійской словесности на 1891 г. Разсказъ: Последняя депеша, стр. 286).

Хотя и докторъ, Кетчеръ больше интересовался литературой, чѣмъ медициной, да и знакомился онъ преимущественно съ учеными, литераторами, артистами, а не съ медиками. Онъ извѣстенъ переводомъ (въ прозѣ) драматическихъ произведеній Шекспира съ подлинника. Кромѣ того, переведены имъ нѣкоторыя сочиненія романтика Гофмана (съ нѣмецкаго), напримѣръ, «Котъ муръ», и письмо Чадаева (съ французскаго), помѣщенное въ «Телескопѣ», гдѣ онъ участвовалъ, по знакомству съ издателемъ Надеждинымъ. Помогалъ онъ также Бѣлинскому, когда послѣдній нуждался для своихъ критическихъ статей въ какихъ нибудь материалахъ нѣмецкой литературы. Достоинство переводовъ Кетчера — вѣрность, недостатокъ — отсутствіе легкости. «Злобно-печальная» муза Некрасова игнорировала первое (хотя оно главное) и зацѣпила второй (хотя онъ дѣло второстепенное):

«Вотъ и онъ, любитель пѣра
И знатокъ шампанскихъ винъ:
Перепѣръ онъ намъ Шекспира
На языкъ родныхъ осинъ.

ХІ.

Въ одной изъ своихъ эпиграммъ Щербина назвалъ Григорьева (Аполлона Александровича) «безталаннымъ горемыкой». Это справедливо только наполовину. Григорьевъ былъ очень талантливъ, что доказывается его трудами по литературной критикѣ и книжкой стихотвореній¹⁾. Онъ не даромъ носилъ имя Аполлона, зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ, искусно владѣлъ игрою на фортепьяно и очень походилъ лицомъ на Шиллера, если только вѣренъ портретъ, приложенный Гербелемъ къ собранію сочиненій нѣмецкаго трагика, переведенныхъ на русскій языкъ. Что же касается до втораго эпитета (горемыка), то дѣйствительно Григорьеву какъ бы не сидѣлось на одномъ и томъ же мѣстѣ. Родился и обучался онъ въ Москвѣ. По окончаніи университетскаго курса переселился въ Петербургъ, гдѣ велъ разсѣянную жизнь, сильно огорчавшую его добрейшихъ родителей. Черезъ четыре года онъ, словно блудный сынъ, воротился на родину. Въ это-то время П. Н. Кудрявцевъ и я познакомились съ нимъ и предложили ему сотрудничество въ журналѣ Краевскаго «Отечественныя Записки». Невозможно выразить радость и благодарность намъ его отца и матери за наше содѣйствіе къ оспененію ихъ единственнаго сына. Другимъ содѣйствіемъ служила женитьба его на образованной и добрейшей дѣвицѣ Лидіи Ѳедоровнѣ Коршъ, принадлежавшей ко всѣмъ извѣстному благороднѣйшему семейству. Кромѣ журнальной работы,

¹⁾ Напримѣръ, стихотвореніе «Городъ» (то-есть Петербургъ), стр. 51—53.

«истор. вѣстн.», февраль, 1892 г., т. XLVII.

Григорьевъ занимался преподаваніемъ законовѣдѣнія въ Александринскомъ сиротскомъ институтѣ (что теперь Московское военное училище) и въ первой Московской гимназіи. Свободное отъ педагогическихъ занятій время онъ прилежно посвящалъ журнальной работѣ въ «Москвитянинѣ», подъ редакціей Погодина. Казалось, что нельзя было желать лучшаго. Но Григорьеву почему-то не влюбилась Москва: онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ за границу съ однимъ княжескимъ семействомъ въ качествѣ учителя. Черезъ два года вернулся въ Петербургъ, гдѣ ретиво предался журналистикѣ, вырабатывая особый взглядъ на сущность и требованія литературной критики. Въ 1861 году поступилъ на службу въ Оренбургскій кадетскій корпусъ учителемъ словесности, но черезъ годъ воротился въ Петербургъ, посвятивъ послѣднее время своей жизни (ум. въ 1864 г.) на излюбленную имъ дѣятельность въ журналахъ («Время», «Якорь», «Эпоха»)¹⁾.

Выдающимся пунктомъ этой дѣятельности слѣдуетъ считать пятилѣтнее сотрудничество его въ «Москвитянинѣ» (1851—1855 гг.) вмѣстѣ съ Эдельсономъ, Алмазовымъ и другими даровитыми лицами, во главѣ которыхъ стоялъ А. Н. Островскій, авторъ знаменитой комедіи «Свои люди — сочтемся». Они получили названіе молодой редакціи «Москвитянина» по своей молодости, а, можетъ быть, и въ отличіе отъ редакціи прежнихъ лѣтъ этого журнала. Новая критика вырабатывалась преимущественно на разборѣ произведеній Островскаго. Въ одной изъ статей Алмазова онъ не только приравнивается къ Шекспиру, но даже ставится выше его. Григорьевъ, съ своей точки зрѣнія, называлъ сочиненія нашего драматурга «новымъ словомъ» въ нашей литературѣ. Какое именно это слово? что оно означаетъ? въ чемъ его сущность?—читатели долго не могли отъ него добиться, а журнальная критика безпощадно глумилась надъ нимъ. Наконецъ-то, въ статьѣ «О комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ», заявилъ онъ неожиданно, что «новое слово Островскаго есть самое старое слово — народность; что новое отношеніе его къ русской жизни есть прямое, чистое, непосредственное»²⁾. Такъ какъ критическіе взгляды молодой редакціи излагались широковъщательно и не совсѣмъ опредѣлительно, то они давали поводъ къ смѣху и осужденію. Западники относились къ нимъ неодобрительно. На одномъ изъ вечеровъ у В. П. Боткина, Грановскій занялся чтеніемъ только что вышедшей книжки «Москвитянина». — «Полно вамъ наслаждаться болтовней молодой редакціи, — замѣтилъ ему кто-то: — присядьте-ка лучше къ намъ для бесѣды». — «Нѣтъ, господа, — отвѣчалъ онъ, — дайте дочитать: это до того глупо, что даже становится

¹⁾ Сочиненія А. Григорьева, т. I (предисловіе).

²⁾ Соч. Григорьева, т. I, стр. 19.

интереснымъ». Другаго мнѣнія о той же критикѣ былъ Тургеневъ. На вопросъ, какъ онъ думаетъ о такой-то статьѣ Григорьева, онъ отвѣчалъ: «мнѣ она нравится». Всѣ собесѣдники захохотали, и знаменитый беллетристъ волей-неволей смутился. Такое несогласіе равномѣрно образованныхъ передовыхъ личностей на одинъ и тотъ же предметъ объясняется господствовавшимъ тогда направленіемъ критики среди западниковъ. Эта критика была по преимуществу тенденціозная, направленная на раскрытіе ненормальныхъ явленій въ современномъ обществѣ и на разъясненіе разумныхъ началъ жизни. Художественное значеніе поэтическихъ созданій при этомъ удалялось на задній планъ, или и совсѣмъ убѣгало изъ виду. Дѣло доходило до смѣшнаго, до *plus ultra*. Одинъ изъ цѣнителей поэзіи, и самъ поэтъ (кажется, Огаревъ), раздѣлилъ эту тенденціозную критику на виды, принявъ въ основаніе сословія или званія: обличеніе дворянъ, обличеніе купцовъ, обличеніе чиновниковъ и т. д. Комедіи и драмы Островскаго дали поводъ молодой редакціи «Москвитянина», въ особенности Григорьеву и ближайшему къ нему сотруднику Эрасту Благоднарову (псевдонимъ Алмазова), положить новую основу критикѣ изящныхъ произведеній литературы. Раскрывъ міросозерцаніе, или, какъ онъ выразился, «новое слово» Островскаго, Григорьевъ ретиво принялся за дѣло. Такъ какъ это «слово» состояло «въ непосредственномъ отношеніи къ дѣйствительности» (а не въ предвзятомъ взглядѣ на нее, что, какъ извѣстно, затмеваетъ истину), то, разумѣется, прямая обязанность критики состоитъ въ томъ, чтобы указать правильность или неправильность отношеній автора къ русской народности. Взглядъ Григорьева, долго не признаваемый литераторами, съ теченіемъ времени, мало по малу усвоивался цѣнителями поэзіи, такъ что въ настоящее время Тургеневъ могъ бы сказать: «*riga bien qui riga le dernier*».

Григорьевъ принадлежалъ къ натурамъ впечатлительнымъ и легко увлекался вѣяніями, иногда прямо противоположными. При первомъ знакомствѣ со мною, посылая свои статьи въ «Отечественныя Записки», онъ стоялъ за европейзмъ, но потомъ круто повернулъ въ другую сторону, т. е. усвоилъ славянофильство и началъ подражать Хомякову въ соблюденіи постовъ. Какъ-то разъ въ одно изъ воскресеній великаго поста столкнулся я съ нимъ въ трактирѣ Печкина. Мы оба спросили по чашкѣ кофе. Я, грѣшный, началъ пить его со сливками, а онъ отказался отъ нихъ и потребовалъ себѣ чего-то другаго. Гляжу, несутъ ему графинчикъ коньяку, значительнаго размѣра. Онъ правъ,—подумалъ я:—молочное грѣшно вкушать, а коньякъ — не грѣшно, за не¹⁾ въ святцахъ на этотъ день значилось «разрѣшеніе вина» и ея.

¹⁾ Любимое словцо Григорьева.

XII.

Съ конца сороковыхъ годовъ наступило въ Москвѣ пасмурное, тяжелое время для тѣхъ, которые почему либо состояли на дурномъ счету у градоначальника. Градоначальникомъ же былъ графъ Закревскій, не благоволившій преимущественно къ профессорамъ и вообще къ служителямъ науки, такъ что онъ съ равнымъ подозрѣніемъ относился къ Хомякову и К. Аксакову съ одной стороны и къ Грановскому съ Кудрявцевымъ съ другой. Петрашевская исторія и волненія съ Западной Европѣ усилили бдительность полицейскаго надзора, такъ что малѣйшая неосторожность въ словахъ грозила большою бѣдою. Ходили слухи,—вѣрные или невѣрные, не знаю, — что подкупленная прислуга доносила кому слѣдуетъ о разговорахъ и сужденіяхъ своихъ господъ. Что дѣлать?—необходимо было сдерживать языкъ или прибѣгать къ иностранному языку при выраженіи мнѣній. Собираясь въ назначенные дни преимущественно у графини Салиасъ (Евгеніи Туръ), вмѣсто разговора «о важныхъ матеріяхъ» стали предаваться картежной игрѣ. Но это было сносно умѣвшимъ играть (самой графинѣ, Грановскому, Тургеневу, Кетчеру, Е. М. Оеоктистову); другіе же, не любившіе карточной игры или вовсе не знавшіе ея, какъ, напримѣръ, Соловьевъ, Кудрявцевъ, Ешевскій, Бестужевъ-Рюминъ, должны были пробавляться разсказами какихъ нибудь анекдотовъ, возбуждавшихъ общій смѣхъ.

Въ числѣ постоянныхъ посѣтителей графини были Катковъ и Леонтьевъ. Первый воротился изъ-за границы съ разстроеннымъ здоровьемъ, сумрачный и молчаливый, какъ бы чѣмъ-то недовольный. Въ первое свиданіе съ нимъ я напомнилъ ему о нашемъ общемъ сотрудничествѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ», но тотчасъ же замѣтилъ, что ему непріятенъ такой возвратъ къ прошлому: онъ смотрѣлъ на него, какъ на что-то ребяческое, недостойное совершеннолѣтняго человѣка. Университетскія лекціи его по философіи были очень интересны. Студенты слушали ихъ съ великимъ удовольствіемъ втеченіе четырехъ или пяти лѣтъ, когда кафедре философіи была упразднена, а мѣсто ея заступило преподаваніе логики. Преподаватель Терновскій-Платоновъ, вѣроятно, для оживленія такого сухаго научнаго предмета прибѣгалъ нерѣдко къ метафорической рѣчи. Вотъ какъ однажды началъ онъ свое чтеніе: «Милостивые государи, прошлую лекцію мы, сѣвъ въ лодку любознанія, преплыли море изслѣдованія и достигли берега истины. Пойдемъ теперь дальше». Товарищъ и другъ Каткова, Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, всегда веселый и бодрый, интересовалъ насъ разъясненіемъ положительной философіи Шеллинга и ознакомленіемъ съ своей докторской диссертацией «О по-

клоненіи Зевсу». Онъ тоже любилъ играть въ карты, но игралъ изъ-рукъ вонъ плохо.

Наступила Крымская война. Повсюду и глубоко возбудила она національное чувство; всѣ, конечно, желали блага отечеству, но взгляды на средства къ достиженію этого блага были различны, иногда прямо противоположны. Одни молились объ успѣхѣ нашихъ войскъ, не допуская ни малѣйшаго изъяна нашимъ владѣніямъ; другіе находили полезнымъ временный гнѣвъ Божій, то-есть политическое приниженіе, которое раскрыло бы глаза на недостатки правительственной системы. Рано утромъ являлись любопытные въ книжную лавку Базунова (въ Москвѣ) читать газеты и узнавать севастопольскія новости. По фізіогноміи читавшихъ легко было угадать, къ какой категоріи патріотовъ принадлежать они—къ первой или второй. Нѣкоторые изъ послѣдней доходили въ своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ до абсурда. Одинъ (С—въ) почему-то восхищался зуавами, когда наши войска постоянно выказывали образцовый героизмъ; другой (Н. Ф. П—въ) на выраженное кѣмъ-то сожалѣніе о томъ, что враги наши, пожалуй, завладѣютъ Крымомъ (русской Италіей), началъ утѣшать его такими словами: «Повѣрьте, мы останемся не въ накладѣ, а въ выигрышѣ: мы будемъ ѣсть еще лучшіе яблоки и по болѣе дешевой цѣнѣ». Вспоминая теперь подобныя рѣчи, изумляешься и невольно краснѣешь, не смотря на свои преклонные годы.

Свѣтлымъ событіемъ, порадовавшимъ наши сердца въ эту тяжкую годину, былъ столѣтній юбилей Московскаго университета. Рескриптъ императора, превосходно прочтенный министромъ народнаго просвѣщенія Норовымъ, возбудилъ громкія, долгія, радостныя до слезъ рукоплесканія. Всѣ веселились, какъ бы разсвѣту послѣ долгихъ сумерекъ. Пошли праздничные обѣды для профессоровъ и студентовъ, вмѣстѣ со многими другими лицами, сочувствовавшими дѣлу высшаго образованія. Къ императору была отправлена депутація изъ трехъ лицъ: ректора Альфонскаго и двухъ профессоровъ, принести ему глубокую благодарность за благоволеніе къ старѣйшему изъ нашихъ университетовъ. Государь принялъ депутатовъ милостиво, удостоилъ ректора своей руки, причемъ сказалъ слѣдующее: «Я никогда не былъ врагомъ просвѣщенія; я врагъ просвѣщенія западнаго, потому что на Западѣ сами не знаютъ, чего хотятъ».

Восшествіе на престолъ Александра II разсѣяло тягостное настроеніе духа и оживило всѣ сердца радостной, успокоительной надеждой. Надобно было присутствовать при его вѣздѣ въ Москву и коронованіи, чтобы почувствовать сладость успокоенія послѣ разныхъ опасеній и непредвидѣнныхъ бѣдъ. На вечернемъ катаньи по московскимъ улицамъ вполне выразилось чувство благоговѣнія и любви къ государю и государынѣ, проѣзжавшимъ среди двухъ

рядовъ экипажей по московскимъ улицамъ: не только толпа народа, стоявшая на тротуарахъ, но и сидѣвшіе въ каретахъ и коляскахъ, привѣтствовали восторженными, неумолкаемыми восклицаніями царя-освободителя и его супругу, доброта которыхъ не имѣла границъ.

Выѣстъ съ государемъ прибылъ въ Москву и Ростовцевъ, начальникъ штаба военно-учебныхъ заведеній. Онъ остановился въ Кремлѣ, въ Николаевскомъ дворцѣ. Я и Ѳеодоръ Ивановичъ Буславевъ явились къ нему съ отчетомъ о нашихъ работахъ для кадетъ: мнѣ было поручено составить исторію русской словесности и историческую къ ней хрестоматію (отъ Петра I до нашего времени), а Ѳеодору Ивановичу—грамматику и историческую хрестоматію къ древне-русской литературѣ (отъ начала до Петра I).

Только что мы хотѣли приступить къ дѣлу, является съ визитомъ графъ Закревскій. Яковъ Ивановичъ рекомендуетъ насъ, какъ профессоровъ ¹⁾. Мы отвѣсили ему по поклону. Графъ, обратясь къ намъ, полу-шутя замѣтилъ:

— О! профессоры—народъ бѣдовый, непокорливый: трудно съ ними ладить.

— Нѣтъ, графъ,—перебилъ его Ростовцевъ:—это не такіе, это смиренные ²⁾.

Въ 1856 году, въ октябрѣ, по предложенію начальства военно-учебныхъ заведеній занять въ академіи генеральнаго штаба преподавательское мѣсто по кафедрѣ русской словесности, я переселился въ Петербургъ. Тяжело и горько было мнѣ разставаться съ Москвой, послѣ тридцати четырехъ-лѣтняго въ ней жительства (1822—1856). Москвѣ я обязанъ университетскимъ образованіемъ; въ ней началась моя педагогическая и литературная дѣятельность; въ ней я нажилъ себѣ хотя не обширный, но дорогой кругъ друзей и знакомыхъ, въ ней, наконецъ, устроилось мое семейное счастье. Легко молодому человѣку выносить разлуку съ излюбленнымъ мѣстомъ, а вѣдь мнѣ уже стукнуло безъ малаго 50 лѣтъ: какъ не тосковать и не вздыхать по матушкѣ Москвѣ? И дѣйствительно жизнь въ Петербургѣ долгое время была подобіемъ сумрачной непривѣтливой осени послѣ благодатнаго лѣта. Единственную отраду

¹⁾ Я не былъ въ то время профессоромъ: Яковъ Ивановичъ хотѣлъ возвысить меня въ мнѣніи градоначальника.

²⁾ Закревскій получилъ отставку въ 1858 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, раньше 23-го числа, по поводу дозволенія своей дочери отъ живаго мужа (Нессельроде) выйти замужъ за князя Друцкаго, для чего и далъ имъ паспортъ за границу («Русск. Старина», 1891 г., августъ, дневникъ Валуева, стр. 275). Вскорѣ послѣ отставки, не помню въ какой именно газетѣ, явилось слѣдующее курьезное извѣстіе: «Намъ пишутъ изъ Москвы, что въ нынѣшнемъ году наступила весна очень рано, такъ что прежде Юрьева дня выгнали скотину въ поле».

представляла мнѣ возможность проводить лѣтніе вакаціонные мѣсяцы въ прекрасныхъ окрестностяхъ Москвы, что я и дѣлалъ втеченіе пяти лѣтъ, нанимая дачу въ селѣ Покровскомъ, Глѣбова-Стрѣшнева, въ восьми или девяти верстахъ отъ столицы. Туда же переселялся и С. М. Соловьевъ. Но съ увеличеніемъ семейства подобные переѣзды оказались неудобными. Волею-неволею пришлось мнѣ проводить вакацію въ Павловскѣ или Царскомъ Селѣ. Съ 1869 года я уѣзжаю на лѣто къ роднымъ въ Рязанскую губернію, останавливаясь въ Москвѣ на цѣлыя сутки. Надобно же, хоть разъ въ году, взглянуть на мѣсто моего бывшего рая.

А. Галаховъ.

